

ВАСИЛИЙ ЛЯГОСКИН

# ДАЛЕКО ОТ ЗЕМЛИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УЧЕНИК  
ДРЕВНИХ

Василий Лягоскин

**Далеко от Земли. Часть  
первая: Ученик Древних**

«Издательские решения»

**Лягоскин В.**

Далеко от Земли. Часть первая: Ученик Древних / В. Лягоскин —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501882-3

Еще одна страница в бесконечной и захватывающей истории Миров  
Содружества. Нейросети, базы знаний, гипердвигатели — вот что главное для  
разумных в этих Мирах. А для Никиты Чернова, попавшего в один из них?  
Честь, долг, Родина... Которая, как всегда, в опасности...

ISBN 978-5-00-501882-3

© Лягоскин В.  
© Издательские решения

## Содержание

1. Крейсер прорыва «Алмат». Где-то в Диком Космосе. Арни Лот, аратанец	6
2. Королевство Галантэ. Столичная планета. Замок графа ди Контэ. Лия, она же Лионель ди Контэ, биологическая аграфка	13
3. Крейсер прорыва «Алмат». Где-то в Диком Космосе. Лия, бывшая Лионель ди Контэ, псион-недоучка	18
4. Земля. Неизвестная горная система, Сердце мира. Никита Чернов, отшельник и бывший полковник Генерального штаба ВС России	25
5. Средний крейсер «Крофт». Сонг Дирн, капитан пиратского космического корабля	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

# **Далеко от Земли**

## **Часть первая: Ученик Древних**

**Василий Лягошкин**

© Василий Лягошкин, 2019

ISBN 978-5-0050-1882-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-1883-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## 1. Крейсер прорыва «Алмат». Где-то в Диком Космосе. Арни Лот, аратанец

Дикий, Глубокий Космос; Задница Вселенной... Как только не называли эту безграничную и безжизненную область пространства, ограниченную с одной стороны таким же диким Фронтиром, а с другой... С другой стороны никаких границ не было. По крайней мере, никто ее, эту границу, не достигал. Наверное, и не стремился. Хотя – каких только чудачков в Мирах Содружества и за ее пределами не встречалось?! Но если они – эти самые любители пощекотать собственные нервы смертельными приключениями – и прыгали в гиперпространстве «до упора», до полного истощения топливных баков, и даже находили что-нибудь интересное, никто таких счастливиц не встречал. А уж Арни Лот тем более.

Вообще-то Арни даже не подозревал, что находился в этом самом Диком Космосе, в пяти прыжках от самой крайней из обжитых систем. На которую, впрочем, чужим соваться никак не рекомендовалось. Потому что это была вотчина пиратского клана «Черные Умхи», отъявленных мерзавцев, которых даже «коллеги» по ремеслу сторонились. Когда их неожиданно сводила судьба, конечно. По собственной воле с этим кланом никто не связывался.

Как мимо них беспрепятственно просочился «Алмат», и второй корабль – крейсер-близнец «Салмат», Арни Лот тоже не знал? И знать, по большому счету, не желал. Он желал одного – закончить работу по контракту, получить несусветную для его знаний и возможностей оплату в восемь миллионов кредитов, и вернуться домой. На окраинную планету Садрина империи Аратан, с которой он в первый раз отправился в космос.

– Не очень-то и хотелось, – пробормотал он, поворачиваясь к двери апартаментов, которые были выделены ему работодателем.

Шикарные, надо сказать, апартаменты. Арни, впервые попавший в эту «каюту», ощутил, насколько жалко и непрезентабельно выглядит он в привычном комбезе техника; невысокий, смуглокожий, с выщипанными курчавыми волосами, за которые его когда-то в детстве нередко таскали соседские мальчишки. А все потому, что соседи эти были все как один светловолосыми, голубоглазыми и крепкими телом. Арни же, будь он чуть потемнее, вполне мог сойти за подданного Аварской империи. Которых аратанцы, мягко говоря, недолюбливали.

– Да кто там?! – нервно крикнул Арни, не к месту вспомнивший не самые приятные минуты собственного детства, – входите!

Дверь беззвучно сдвинулась в сторону, и в большую комнату-прихожую, где Арни Лот устроил себе рабочее место, ступила она. Нет, ОНА! Аратанец буквально прилип взглядом к ее лицу, чувствуя... зная, что все остальное в этой девушке так же прекрасно, как эти нежные щеки, чувственный рот, глаза, сейчас прикрытые в смущении, уши... Это были прекрасной формы ушки. Обычные, человеческие.

– Хотя, – подумал Арни, с трудом затолкнувший в себя застрявший в глотке комочек воздуха, – будь они чуть подлиннее и поострее, можно было бы не сомневаться, что передо мной сейчас стоит настоящая аграфка. Ага! Аграфка, и передо мной! В смущении! Три раза «Ха»!

Аратанец чуть отошел от ступора, в который его вогнала девушка своим появлением, и уставился на нее уже с немимым вопросом.

– Я к вам, господин Лот, – почти прошептала девушка, покрывшись румянцем, – теперь я буду помогать вам.

Щеки молодого двадцатипятилетнего парня, несмотря на природную смуглость, заалели еще ярче, чем у девушки. Потому что в той несложной работе, которой он до сих пор занимался, никаких помощников ему не требовалось. Его взгляд метнулся к двери спальни, где располагалась кровать немислимых размеров.

– Вот там твоя помощь, детка...

Незнакомка повторила путь, пройденный его взглядом, собственным; вроде как смутилась еще явственней, и чуть покачала головой, опуская голову книзу. Только теперь Арни разглядел, что ее руки оттягивала неподъемная ноша – два тяжелых контейнера, которые ему прежде каждый день приносил один из техников корабля. Четыре раза в день! При том, что каждый из этих контейнеров весил не меньше, чем...

– Как половина тебя, – про себя решил Арни, – так что держишь ты сейчас в руках собственный вес. Ничуть не напрягаясь, кстати...

Его удивление было прервано самым жестоким способом. Девушка как-то жалко, и в то же время обещающе улыбнулась, и парень ринулся на выручку, буквально выхватив из ее рук ношу. Контейнеры действительно были полными, тяжелыми, так что он едва не уронил один из них на роскошный ковер, которым были застелены полы комнаты от стены до стены. На рабочий стол, который сюда принесли по его просьбе, Арни забросил их по одному. Удивление снова начало расти в душе, как снежный ком, но чуть слышный, поистине ангельский девичий голосок тут же растопил его, оставив лишь непривычное желание скакать от радости, подобно несмышленому щенку, которого потрепали за ухо.

– Опять эти уши, – невольно цыкнул на себя парень, кивая в ответ на просьбу.

Он попытался прочесть имя девушки, ее должность на корабле. Увы – ее нейросеть, как и у безымянного техника, не откликнулась. О том, что у незнакомки этой самой нейросети вообще могло не быть, Арни Лот не мог даже помыслить.

– Меня зовут Лия, – представилась девушка сама, – можно, я посмотрю, как вы это делаете?

– Можно!

Арни не стал поворачиваться, иначе прекрасная незнакомка («Нет – уже не незнакомка! Уже – Лия!») убедилась бы, что парень ухитрился покраснеть еще контрастней. Он буквально рухнул на стул, и вскрыл крышки сразу двух контейнеров. И сразу успокоился, как всегда на рабочем месте. Руки сами вынули из левого контейнера длинную трубку неизвестного для Арни материала, из правого ее точную копию. Снаружи эти трубки были многогранными, внутри – идеально круглыми. Арни Лот не счел за великий труд, давно уже подсчитал число наружных граней; насчитал их сто двадцать четыре. Обе части надо было соединить, а затем нанизать на получившуюся ось длиной больше стандартного метра пару тысяч («Точнее – две тысячи сто двадцать четыре») тончайших диска. Нанизать в строго определенном порядке. Арни за прошедшие три декады натренировался делать это так ловко и четко, что мог собрать нужную конструкцию с закрытыми глазами. И собирал, и ни разу не ошибся. По крайней мере, ни одного нарекания на этот счет он не получил. Хотя был уверен – и сейчас, и все декады до этого, каждое его движение записывают камеры наблюдения. Но...

– Инструкция есть инструкция, – вздохнул он, доставая из левого контейнера прозрачный кристалл диаметром в ноготь большого пальца.

Информации на кристалле, по крайней мере, доступной Арни, было совсем немного – лишь подробный чертеж той самой конструкции. Он вставил носитель в гнездо, которое собственноручно врезал в столешницу; еще и соединил его энергошиной с ближайшим энерговодом, спрятанным за панелью, прекрасно имитирующей натуральное дерево, и активизировал его. Перед ним тут же развернулась объемная проекция, раскрашенная в три насыщенных цвета. Коричневая, как и реальная ось, основа проекции зависла прямо напротив уровня глаз – сначала продольно, а затем торцом, так что и в Арни, а значит, и в ахнувшую мгновением раньше Лию словно уставилась грозным оком игольная винтовка. Сам парень, впервые развернувший чертеж три декады назад, едва не слетел со стула на ковер – настолько реальным было в тот миг впечатление от готовности виртуального дула выплюнуть ему в лицо самый настоящий снаряд-иглу. Или целую очередь таких игл. Теперь же все было привычным. Первый диск

ярко-красного цвета из левого контейнера занял свое место. Он не был идеально круглым; правильным его форму было назвать рваным кругом. Следующий, из правого контейнера, был нежно-розовым, и представлял собой овал с одним неровно отрезанным краешком. Так, одну за другой, надо было нанизать на ось тысячу шестьдесят две пары. И ни одна из них не повторяла другую!

На первый взгляд, особого труда это не составляло. Залить программу обычному ремонтному, даже не конструкторскому, дроиду, и за пять минут задача была бы решена. Но почему-то нужны были именно живые человеческие руки, и лучше его, Арни, рук заказчик не нашел. Так он, представитель государственной корпорации «Аратантон» и заявил, выкладывая перед ошеломленным парнем контракт. И парень сейчас, забывший на время даже о Лии, в который раз прокручивал в голове все то, что привело его, техника не самого высокого ранга, сюда, на корабль, в эту роскошную каюту, ставшую на время пребывания здесь юного техника мастерской.

Итак, Арни Лот, двадцати пяти лет, подданный империи Аратан, проживающий на планете Садрина, в поселке с немудреным названием «Разборка». Родился... Вот этого сам Арни не знал. И не знал никто, пожалуй, кроме его отца, Пола Лота, приехавшего в Разборку с двухлетним пацаном на руках. Так что матери парень не знал, и отец о ней никогда не рассказывал. Учитывая внешний вид Арни, и то, что сам Пол от большинства аратанцев ничем не отличался, это было не удивительно. Демобилизованный из Флота ветеран (так заявлял сам Пол Лот) сразу занял место приемщика на Разборке. Вот это было уже удивительным – потому что место было «хлебным»; по меркам поселка очень приличным. Где-то на одном уровне с поселковым Главой.

Так что самым ранним воспоминанием Арни был кусок железа, который сунул ему в руки один из мусорщиков. Так называли вполне добропорядочных граждан, разбиравших завалы выброшенной за ненадобностью, или сломавшейся и не поддающейся ремонту бытовой техники. Свалка была общепланетарной, и вполне культурной. Никаких спившихся небритых рож и оборванцев! Рабочие на контрактах, в форменной спецодежде; с твердой поденной оплатой и немалой премией от сдачи пригодных для дальнейшей эксплуатации блоков. И размер этой премии зависел как раз от Приемщика. То есть от отца Арни Лота.

Арни до сих пор отчетливо помнил чувство безмерного удивления на лицах отца и очередного мусорщика, отчаянно торговавшихся у прилавка, и умолкнувших на полуслове, когда в углу, где обычно играл железяками маленький аратанец, вдруг зажужжал двигателем обычный бытовой дроид. Что-то ремонтируемое, а значит, конвертируемое в кредиты преподнести ему никто не мог, а вот зажужжало же! И заело по полу, засобирало невидимый в неярком свете мусор. Так Арни Лот нашел свое призвание в жизни. И в день своего совершеннолетия он твердо заявил отцу, который собрался ему сделать шикарный подарок – индивидуальную инженерную сеть аж пятого поколения – что это ему на фиг не нужно. Не так грубо, конечно, но вполне определенно. В итоге отец с сыном пришли к соглашению – пусть будет «Техник», но индивидуальный, и универсальный, и не ниже четвертого поколения. За эту сеть отец отвалил почти сорок тысяч кредитов, и это было только началом. Еще ведь нужны были базы знаний.

– Еще импланты – на память, интеллект, скорость реакции, – хмуро подсказал представитель компании «Нейросеть», оформлявший первый договор с Арни.

Сам Арни тоже был немного ошарашен. Обследование в этом же здании полчаса назад показало впечатляющий индекс интеллекта – сто пятьдесят шесть. И сотрудник «Нейросети» прямым текстом порекомендовал ему одну из государственных корпораций.

– Иди туда, парень, – выдохнул он, явно надеясь на хороший откат, – подтянешь за пару лет интеллект до двух сотен, и инженерная сеть не ниже седьмого поколения у тебя в кармане. Точнее, в голове. И все у тебя будет. И кредиты, и девки...



– И контракт с корпорацией... на сколько лет? – оборвал его гладкую речь отец.  
– Ну-у-у, – протянул молодой, но очень ушлый советчик.  
– А я тебе скажу, парень. У меня такая сеть стоит. «Администратор – 7СУ». И знаешь, сколько я за нее отдал?

– Сколько?! – выдохнули и Арни, и ушлый из «Нейросети».  
– Сто сорок лет жизни, – буквально выкрикнул Пол, – сто сорок лет! А потом меня вышвырнули с сетью и кучей изученных баз... принимать металлолом у мусорщиков. Вот какая цена твоим обещаниям, парень. Ну, не твоим, конечно, корпоративным.

В общем, так Арни стал уже настоящим, сертифицированным техником. Базы учил не спеша, больше надеясь на собственные голову и руки. Открыл рядом с приемным пунктом мастерскую, и жил в свое удовольствие, не подозревая, что спокойно жизнь долго тянуться не может, обязательно вылезет какая-то пакость. В случае семьи Лот это была болезнь отца. Даже не болезнь, а возраст. Как выяснилось только теперь, Полу исполнилось уже почти триста пятьдесят лет! Сам Арни о такой проблеме, как возраст, пока не задумывался. Знал, конечно, что обычный разумный с поддерживающей здоровье нейросетью вполне может прожить лет двести-двести пятьдесят. Накопив за это время сотню тысяч кредитов, можно заплатить за процедуру омоложения, и радоваться жизни еще лет сто, и даже немного больше. А потом – еще столько же, но уже за целый миллион. А это такие деньги...

Так вот, сто тысяч в свое время Флот ценному специалисту Полу Лоту выделил. Но как только на горизонте замаячила круглая сумма в миллион кредов, сразу же последовала почетная отставка. И прошло с того момента больше тридцати лет. Так что голова Арни несколько дней была занята расчетами. Руки продолжали собирать очередную безделушку, принесенную богатеньким коллекционером, а юный техник считал и пересчитывал. И по всему выходило, что миллион они вместе с отцом накопят не раньше, чем через...

– Никак не успеем, – с разочарованием пробормотал он, откладывая в сторону холодное железо, вполне уже работоспособное, – даже если будем питаться только солдатскими спецпайками. Да и из отца какой уже работник. Скоро попросят его из приемки...

Предложение корпорации «Атаранком» поступило как нельзя вовремя. Словно кто-то отслеживал, или даже подстроил такую безвыходную для семьи ситуацию.

– Что значит подстроил? – удивился тогда собственному предположению Арни, – за такие деньги я даже без отцовской проблемы должен ухватиться двумя руками... и ногами, и всем, чем только можно. Восемь декад по миллиону кредов за каждую.

Он уставился на заказчика, представительного дядечку с чуть грустными глазами с немим вопросом: «А не обманешь?». Тот угадал вопрос, засмеялся.

– А смысл? – ответил он вопросом на вопрос, – боишься, что в рабы угодишь, к аварцам, или еще хуже? Или что не заплатим за работу? Так это – смотри – в контракте прописано. Оплата подекадно. Через десять дней можешь начинать тратить первый миллион. Хотя... времени на это у тебя не будет. А вот через восемь декад! И еще. Смотри. Этот контракт не обычный. Он именной, и подтвержден «Юрконом». Слышал про такую?

Про юридическую корпорацию с немудреным названием в Аратане знал, пожалуй, каждый. И Арни Пол тоже. Услугами ее до сих пор не пользовался, но о железной репутации был наслышан.

– Так что скидывай копию отцу, назначай наследника...

Парень опять вскинул голову, и Урай Ган – так звали представителя «Аратанком» – успокаивающе протянул вперед руки:

– На всякий случай – мало ли что...

Вот так юный техник оказался в одноместной каюте, на борту малого торгового судна, что осуществлял рейс между Садриной и Галлой, центральной планетой системы, уже больше четырехсот лет входящей в империю Аратан. Этот двухдневный полет запомнился исключи-

тельно скукой. Больше всего «страдали» от нее руки техника, привыкшие в любую свободную минуту что-то откручивать, или – напротив – прикручивать; резать, или паять. Потом был длинный, и почти такой же скучный рейс на межсистемном лайнере, чью огромную тушу можно было исследовать месяцами. Увы – на космос, на огромные звезды в безграничной тьме – можно было любоваться в панорамном зале лишь между длинными гиперпрыжками; оттягиваться в элитных барах, куда ему, как обладателю билета премиумкласса, был свободный доступ, он жутко стеснялся, а потому...

Арни залег в своей каюте, и поставил на обучение базу «Ремонтные дроиды» четвертого ранга, которую никак не мог добить вот уже третий год. В таком вот медиативном режиме ему потребовалось бы еще дней десять, но уже через шесть из них обучение прервалось. На нейросеть пришло сообщение, что первая декада его «работы» завершилась, и личный счет пополнился ровно на один миллион кредитов. Радостный парень напрочь забыл и про дроидов, и про свои вполне обоснованные страхи, и помчался было в так нелюбимые бары (один из них, а там – кто его знает?), но затормозил в коридоре, не добежав до тяжелых двухстворчатых дверей натурального дерева десятка шагов.

– И куда я спешу? – спросил он себя, оглядывая такой удобный, и такой непрезентабельный комбез техника синего цвета, – похвалиться миллионом? Первым миллионом в жизни? Так у этих ребят таких миллионов – на один вечер.

Это Арни подумал о четверке юнцов в шикарных костюмах, что обходили его сейчас по стеночке – будто боялись испачкаться.

– Да и этого миллиона у меня уже нет, – поставил точку в своих терзаниях Арни, отдавая мысленное распоряжение на перевод кредитов Полу Лоту.

Парень вернулся в каюту, но к дроидам так и не вернулся. Через два дня от лайнера, выпрыгнувшего в очередной раз в обычное пространство, отпочковался шаттл, который вез единственного пассажира на базу Третьего Имперского Флота. Шаттл был маленьким, а его командир – служакой от головы до кончиков пальцев на ногах. Поэтому в рубку Арни Лот не попал, а иной возможности увидеть громадную базу, висевшую в космосе, и множество кораблей всех форм и размеров, снующих вокруг нее, не было. Так что техник через шлюз шаттла, влетевшего в огромный ангар, попал в длинный коридор, а по нему, пролетев с молчаливым сопровождающим на гравиплатформе почти десяток километров, в другой шлюз; теперь уже ведущий в крейсер прорыва «Алмат». Здесь, в роскошной каюте, несомненно, принадлежавшей кому-то из высшего командного звена крейсера, его и поселили. Здесь же он, наконец, приступил к своим прямым обязанностям.

Немногословный техник (или другой член экипажа, ловко прикидывающийся таковым), принес тяжеленные контейнеры и сунул в руки Арни кристалл с первичной инструкцией. А сам повернулся, и вышел в коридор, не проронив ни слова. Первую конструкцию, в своем окончательном виде похожую на диковинный цветок из тропического леса длиной не меньше метра, он собирал больше шести часов. Медленно, но очень точно – как привык. Техник не сомневался, что сможет перекрыть норматив, установленный в той самой инструкции; собрать конструкцию за пятнадцать минут. Естественно, не ошибившись ни одним лепестком.

Надо сказать, что поначалу несколько таких ляпов Арни допустил. О чем ему тут же сообщил голос, звучавший словно отовсюду, и лишенный всякой индивидуальности. Что лишний раз подтверждало его вывод о тотальном контроле. Уже на третий день тренировок его результат вплотную приблизился к требуемому; ошибок он больше не допускал. Это был как раз день окончания второй декады контракта, и очередной миллион кредитов порадовал душу юного техника и его счет в имперском банке. Недолго, впрочем – при здравом размышлении парень и эти деньги отослал отцу.

– Там будут целее, – решил он.

А вот с третьим «траншем» что-то не срослось. Прошла очередная декада; Арни уже так наловчился собирать неведомую часть неведомого механизма, что рискнул несколько раз сделать это вслепую. И не ошибся. И очередной миллион пришел на счет, но в далекую Садрину переместиться не пожелал. Техник, оставшийся безымянным, и единственным, с кем Арни «общался» вот уже полторы декады, на вопрос парня лишь пожал плечами. Но не ответил. И больше не пришел.

– Зато пришла Лия, – эта мысль словно теплой волной омыло все тело парня, задержавшись в самом интимном месте, отчего он невольно заерзал на стуле.

А девушка позади словно прочла его мысль, негромко кашлянула, возвращая техника в рабочее состояние. Арни сосредоточился на сборке; он только теперь понял, что тяжелые лепестки сегодня чуть отличаются от тех, к прикосновению которых он привык. Они словно были живыми, никак не хотели расставаться с человеческими пальцами, а потом – оказавшись на оси – так же любовно лънули друг к другу. Так что конструкция, внешне не похожая ни на что знакомое Арни Лоту, сейчас получалась весьма совершенной, гармоничной; даже красивой. Настолько, что парень невольно залюбовался делом своих рук. Как и Лия за его спиной, наверное. Она глубоко вздохнула, всхлипнула, и практически невесомо дотронулась ладошкой до плеча техника. И оставила ее там, на этом плече, на потертом материале комбеза. Резко дернувшееся в судороге сердце парня, и глаза, закрытые на мгновение в томлении, а еще предчувствие чего-то необычного, волшебного, сотворили с ним злую шутку. Один из лепестков, а именно ярко-красный, цвета свежей крови, мягко скользнул по оси, сместившись по ней на одну единственную грань. Еще вчера бесстрастный голос заставил бы Арни исправить ошибку, и даже, быть может, начать сборку с нуля, но...

Арни Лот не мог знать, что в огромной, полукилометровой туше крейсера «Алмат» не было сейчас никого, кроме него с Лией; что не работал ни один агрегат, даже шестерка мощных реакторов. И что те крохи энергии, освещавшие сейчас отсек корабля, в котором сознание парня раздвоилось между работой и предвосхищением чего-то необычного, подавались исключительно из запасов химических аккумуляторов – древних, как... как сама Империя!

– Все, – выдохнул Арни, огладив последний, нежно-розовый лепесток, имевший, как и всегда, форму неправильно ромба, – и что теперь?

Лепесток из чистого иллиниума, редчайшего металла в изученной Вселенной, стоимостью не меньше, чем оплаченная декада контракта аратанца, мог бы ответить ему, если бы сподобился заговорить:

– А теперь все, Арни. Ты закончил главную работу в своей жизни. А теперь можешь отдохнуть. Навсегда.

И больше тысячи таких же иллиниевых лепестков, и их антиподы – еще более дорогие кроваво-красные заллиниевые диски – только подтвердили бы этот вывод. Увы, говорить баснословно редкие, и смертельно опасные лепестки не могли. За них это сделала Лия.

– А теперь все, Арни. Ты закончил свою главную работу в жизни. А теперь можешь отдохнуть.

Слово «навсегда» не прозвучало. Пока.

Парень медленно развернул конструкцию, утвержденную на подставке, словно приглашая полюбоваться ее совершенством. Теперь, на первый взгляд, она ничем не отличалась от голограммы, что до сих пор висела над столом. Единственный лепесток, занявший место не по ранжиру, разглядеть слабыми человеческими глазами было невозможно. Да Арни и не пытался сделать это. Потому что он почувствовал, как девичья ладонь перестала греть своим теплом его комбез, и почти сразу зашуршала другая одежда – белого цвета, практически ничего не скрывающая, и совсем не подходящая для космоса. Та, в котором и пришла в каюту Лия. Так могло шуршать женское платье, когда его одевают.

– Или снимают, – поправил себя техник.

Он медленно поднялся со стула, и еще медленней повернулся. Предчувствие (и предвкушение) его не обмануло. Лия стояла перед ним абсолютно обнаженной. Она так же медленно поднимала навстречу ему руки, совершенные, как и каждая точка ее божественного тела. Арни сам не понял, как выскользнул из собственного комбеза. Теперь их не разделяло ничего, кроме пары десятков сантиметров технически чистого воздуха космического корабля. Мгновение – и не стало и этих сантиметров. А мимолетную мысль, стремление парня подхватить божественную ношу на руки, и бегом рвануть в спальню, на многоместную кровать, Лия пресекла одним движением, потянув его вниз, на толстый, и такой удобный ковер.

Арни провалился в блаженство, бессвязно шепча слова, которые сам не воспринимал. «Люблю..., навсегда..., на всю жизнь...». А вот девушка определенно расшифровала горячий шепот. Потому что неожиданно спокойным и твердым голосом переспросила:

– На всю жизнь? На всю ОСТАВШУЮСЯ жизнь?!

– Да! – выдохнул парень прямо в лицо любовницы.

И замер, уткнувшись взглядом в прекрасные, сейчас абсолютно серьезные и жесткие девичьи глаза. Он больше не смог шевельнуть ни единым своим членом. Даже самым главным на этот момент. А жизнь, только недавно открывшаяся ему одной из своих граней, обещавшей вечной блаженство, неумолимо перетекала из одних глаз в другие.

– Все! – наконец буквально выплюнула в уже мертвое лицо парня Лия, – отвали!

Резким движением она сбросила с себя ставшее необычно тяжелым тело, и повернулась к конструкции. Руки одного совершенного создания потянулись к другому. Лия подхватила металлический «цветок» за кончики оси, не касаясь пальцами крайних лепестков, и легко подняла ее. Сила, что бушевала сейчас в ней, позволила не только нести тяжеленную вещь на вытянутых руках, но и громко кричать при этом, не стесняясь никого и ничего в пустом корабле:

– «Люблю», – говоришь? – «Навсегда?», – говоришь...

## **2. Королевство Галантэ. Столичная планета.**

### **Замок графа ди Контэ. Лия, она же Лионель ди Контэ, биологическая аграфка**

Слово «любовь» для Лионели ди Контэ, дочери главы славного аграфского клана, было абсолютным табу. Впрочем, как и для большинства граждан Центрального королевства Галантэ, да и остального Содружества Миров тоже. Не такое непререкаемое, конечно, но... Но уже больше пяти веков назад группой аграфских ученых был доказан, а потом разнесен по Содружеству как совсем уже непреложная истина постулат о том, что никакой любви не существует. А есть набор определенных биохимических реакций в теле разумного, или в паре тел, которые и приводят к целому спектру ощущений – от неопишуемого блаженства до желания немедленно покончить с жизнью. Своей или чужой. И страсти эти вполне можно вылечить, или – напротив – вызвать таблеткой... поначалу. Потом таблетки сменили чипы, или кристаллы; а в последнее время страстную (и любые другие виды – от безответной до особо извращенной) любовь можно было купить, сбросив нужное количество кредитов по сети, и получить товар по ней же. Великое дело Галонет, и кредиты, поддерживаемые все мощью Центрального королевства Галантэ.

Впрочем, не всем эти постулаты пришлось по душе. Были даже бунты отдельных миров, подавленные тихо, и почти бескровно. Силами своих же властителей. Триллионы же граждан Содружества не сомневались – все, что идет от аграфов, только во благо.

– А как же? – с умным видом рассуждали в ресторанах, забегаловках... да даже на свалках, делясь куском жареной крысы, – а как же без них, ушастых? Как без нейросетей и имплантов; как без гидропривода и медицинских капсул; как без чудо-помощников – искинов? Как без кредитов, наконец, без которых не прожить и пары дней. И все это буквально подарили нам, людям, аграфы. А злокозненные придурки, утверждающие, что ушастые сами слямзили секреты у Древних, и теперь впаривают их нам вдесятеро... Ату их, придурков! В подвалы Службы Безопасности, или прямо к самим аграфам. Пусть на собственной шкуре почувствуют все те «ужасы», которые они приписывают этим милым, таким добрым, и прекрасным как один, существам. И где бы мы, люди, были, если бы не аграфы?!

Лионель ди Контэ эти ужасы действительно ощутила. И действительно на собственной шкуре. Нежной, прекрасной шкурке истинной аграфки. Вот только ее принадлежность к племени Галантэ не признавали ни родной отец, ни мать, и никто в огромном и мрачном родовом замке клана Контэ. А все по одной, казалось бы такой незначительной причине. Лионель родилась с человеческими ушами. Круглыми нежными розовыми младенческими ушками, которые заставили отца в гневе отшатнуться от младенца, а мать... Для матери она тоже перестала существовать, как только девочку подхватила на руки кормилица. Последняя, впрочем, тоже едва скрывала отвращение, которое внушало окружающим милое детское личико. Точнее, уши ребенка. Незначительный сбой в геноме, за который, кстати, солидарно отвечали мать с отцом, в жизни вылился в сущий ад. Нет – ее не били, не морили голодом. Ее просто не замечали; отрезали от мира, который ее окружал. Ей не было хода никуда, кроме замка и парка при нем; ей запрещали покидать комнату, определенную для жилья, когда в замке появлялись гости. Да что там говорить – даже старший брат, который таковым, «естественно», ни разу себя не обозначил, перестал приезжать на отдых из военного колледжа.

– Пока «это» ходит здесь, моей ноги в доме не будет! – заявил он отцу.

А что отец? Скрипнул зубами, и выделил непризнанной дочери еще одни «апартаменты». В подвале замка, на одном из нижних его ярусе. Там создали неплохие условия для жизни, а главное – оттуда был отдельный ход в парк, и теперь в самом замке девочка не появлялась.

Конечно, такая жизнь не могла не отразиться на психике ребенка. Она не озлобилась. Она просто вычеркнула всех разумных из своей жизни, как они вычеркнули ее, и жила в собственном мире. Мире фантазий и не сбывающейся день за днем мечты. Зримого образа у этой мечты не было. Было предчувствие – что-то произойдет; что-то изменится в ее жизни. Так пришло первое, детское совершеннолетие. В двадцать лет юным аграфам ставили нейросети; специальные детские, подобранные строго индивидуально. И это было одним из самых строго охраняемых секретов королевства Галантэ. Дети перед установкой сети проходили полное обследование, которое, к неизбывной обреченности и неописуемой ярости элиты королевства, показывало один, и неизменный в последние столетия результат: природный индекс интеллекта абсолютно всех аграфов составлял сто двадцать единиц. Плюс-минус единица, не больше. И все! А в человеческих государствах, при том, что большинство индивидуумов не поднималось интеллектом выше восьмидесяти единиц, достаточно много рождалось детей, легко перепрыгивающих верхнюю для аграфов границу. Немало попадалось людей с индексом интеллекта в сто пятьдесят, сто восемьдесят, и даже двести единиц. А уж уникамы в двести двадцать-двести тридцать... Все они рано или поздно оказывались в королевстве, и жизнь их, для многих вполне комфортная, им самим уже не принадлежала.

Так что насчет интеллекта Лионель можно было не гадать – сто двадцать, плюс-минус. Но вот сеть ей не поставили, еще раз подчеркнув отверженность и ненужность в мире аграфов. Впрочем, сама девушка об этом даже не подозревала. Она создала для себя собственный мирок, достаточно примитивный, и никого туда не пускала. Точнее, не хотела пускать. Как будто кто-то спросил бы ее, если бы пожелал вторгнуться. Не было таких? Нашелся! Собственный брат, не видевший младшую сестру практически с самого рождения.

Он наткнулся на нее в парке, где Лия сидела на привычном, стертом до блеска пеньке. Она чуть слышно мурлыкала мелодию, которую сама же и сочинила, и бездумно провожала взглядом облака, несущиеся по высокому небу. На тень, упавшую на нее сзади, она отреагировала слишком поздно. Лионель вскочила как раз, чтобы попасть в сильные и жесткие руки Армонвилля – так звали брата. Последний такт мелодии покинул ее уста, и больше ни одного звука не прозвучало из них. Все то время, пока Армонвилль вертел ее как куклу, выворачивая из скромных девичьих одежд; пока аккуратно снимал собственное одеяние, и, наконец, пока он громко пыхтел на ней, одаривая одной лишь болью.

– Ну, скажи ты хоть что-нибудь, наконец! – почти закричал он ей в лицо, облегчившись в первый раз, – закричи, выругайся, или зареви!...

Тридцатипятилетний парень, младший офицер Флота Галантэ словно был испуган. Не собственным поступком, а... Он резко дернул Лионель за подбородок, заставляя ее глянуть прямо в его глаза, и тут же пожалел об этом. Но поздно! Девичьи очи не отпустили его; больше того – теперь уже Лия проявляла инициативу. Она легко вытянула руки из захвата, протянула их вдоль тела насильника, и ухватила им за уши. Теплые, длинные, чуть мохнатые уши, которыми Армонвилль, как каждый уважающий себя аграф, законно гордился. А взгляд девушки не опускал его. Напротив, он звал, он тянул в себя самую суть офицера. И аграф закричал – громко, отчаянно... в последний раз в жизни.

Лионель, напротив, ощущала себя счастливой, как никогда прежде. Счастливой и всемогущей. Сила, прежде неподвластная ей, буквально рвалась из не крупного тела наружу. Так, что юная аграфка сама не поняла – эта ли сила, или ее собственные, совсем не развитые мускулы отбросили безвольное тело брата в сторону. А в следующий миг левый бок обожгло острой, тоже никогда не испытываемой болью. Удар остроносого ботфорта отца – именно в этот момент глава клана оказался на полянке, где стремительно разворачивалось действие – подбросил девичье тело в воздух не меньше, чем на полметра. Ну, и сломал при этом пару ребер. Но эта боль была сейчас для Лии неземным блаженством. Она упивалась ею, громко шепча:

– Еще, еще! ЕЩЕ!

– Еще, – говоришь?! – искаженной гримасой ярости лицо графа ди Контэ стало совсем жутким.

Он на мгновение замер. Лионель, раскинувшая на траве руки и ноги подобно диковинному цветку, не обратила на эту паузу никакого внимания. Она знала, что такое дроид; слышала не раз о нейросетях. Но о том, что вот так, не разомкнув уст, можно вызвать страхолудную железяку, и отдать ей приказ... Для девушки, образованием которой не занимался никто и никогда, это было сверх понимания. Между тем слуга-дроид, появившийся из-за деревьев, бережно подхватил тело юного аграфа, и помчался прочь. А именно – к ближайшей медицинской капсуле, которая, как вполне обоснованно предполагал разгневанный отец, должна была вернуть его к жизни. Ведь смерть его наступила буквально на глазах Главы, и прошло с того страшного мгновения не больше трех минут. Для медкапсулы восьмого, предпоследнего для королевства поколения, был пятикратный резерв времени.

Несколькими мгновениями позже первого появился еще один дроид. Этот, в отличие от медицинского, был грубее в обращении с живой плотью. Лионель, которую холодные и жесткие манипуляторы бездушного механизма больно ущипнули, вскрикнула, почувствовав боль уже не блаженную, а вполне плотскую. Еще громче она закричала, осознав, что той бурлящей силы, которая заставляла ее хохотать в душе от попыток отца причинить ей страдания, остались сущие крохи. Что энергия, которой с ней так щедро поделился Армонвилль, действительно истекла наружу. Безвозвратно.

Дроид, тем временем, мерно шествовал вслед за Главой клана, чья выпрямленная спина и затылок вместе с острыми, выступающими выше темени, ушами без всяких слов обещали девушке часы, а может быть, и дни нестерпимых пыток. Только эти напряженные члены аграфа, и темные стены подземелья, никогда не знавшие света – вот и все, что могла видеть сейчас Лия, болтавшаяся в клешнях дроида подобно безвольной кукле. Процессия, возглавляемая отцом, уже давно миновала уровень, который был домом для Лионель уже почти два десятка лет, а каменные ступени все не кончались. Наконец, топот-скрежет стальных ступней четырехногого и четырехрукого механизма стих, но тут же раздался еще более зловеющий скрип – это аграф с трудом открывал старинную цельнометаллическую дверь.

Внутри каменного склепа все было устроено, как в самой страшной сказке. Увы, Лие никто сказок не читал. Поэтому о назначении железных, деревянных, и каменных предметов, чьи тени дрожали в свете самого настоящего факела, зажженного аграфом небрежным щелчком пальцев, знать она не могла. Но от этого ужас ее меньше не стал. Напротив, он разгорался внутри тщедушного тельца жарче, чем пламя маленького рукотворного костра, заключенного в чаше факела. И тем сильнее, чем меньше в ней оставалось земной энергии. Последняя капля растворилась в полумраке подземелья, когда на запястьях Лии защелкнулись тяжелые стальные браслеты наручников.

Дроид разжал две стальные клешни (двумя другими он ловко приковал девушку к каменной стене), и аграфка повисла, не доставая такого же каменного пола даже кончиками пальцев ног. Из ее груди, обнаженной, и «украшенной» наливающимися синяками, раздался еще один долгими мучительный стон.

– Подождем, – мрачно заявил Глава, останавливаясь в двух шагах от висящей дочери.

Два взгляда перекрестились, и застыли, словно слившись воедино. Совершенно бездумно Лия попыталась вызвать внутри себя то чувство, с каким она приняла в себя первые капли чужой энергии. Увы – то ли не хватило сил и опыта, то ли для такого таинства нужен был телесный контакт, быть может, даже такой интимный, как в случае с Армонвиллем, но Глава лишь хищно усмехнулся, показав дочери безупречные клыки. Он не сдвинулся ни на сантиметр; застыл подобно хищнику, поджидавшему добычу. Впрочем – добыча уже была здесь, и бежать она не могла. Могла лишь стенать и молить о пощаде. Но в холодном воздухе подземелья не прозвучало ни слова; лишь чуть слышный скулеж аграфки, прерываемый ее же

стонами. До того самого мгновения, когда в пыточной появился еще один разумный – старый слуга, единственный, который при виде Лионель не морщил в презрении губ. На самом деле он относился к девочке не лучше всех остальных. Просто громадный опыт службы в клане приучил его сдерживать, точнее, скрывать эмоции – мало ли что, мало ли как повернет течение жизни капризная судьба? Но в эти мгновения старый прислужник был явно встревожен; больше того – он был в панике. И не удивительно – весть, которую он принес хозяину, могла лишить его головы. Причем, самым мучительным образом.

– Лэр, – почти прошептал он, не решаясь поднять головы, – я не смею сказать...

– Что ты там бормочешь? – рыкнул на него Глава, поворачиваясь, перетекая на месте всем корпусом так, что Лия даже не успела моргнуть, а перед ней снова нарисовалась замершая до судорог спина отца, – говори громко и ясно.

– Да, лэр, – старый слуга тоже выпрямился, – я принес дурную весть. Ваш сын, лэр...

– Что с Армонвиллем?! – вскричал в бешенстве Глава.

Слуга попятился назад, но головы опустить не посмел. И даже вполне крепким голосом завершил послание:

– Лэр, медкапсула не смогла помочь вашему сыну. Он... умер!

– Что?! – теперь уже взревел аграф, – как это может быть?! Этого просто не может быть!!

Спина, и плечи, и вся его фигура на мгновение потеряла свою стройность; каким-то неведомым чувством Лия поняла, что Глава осознал и принял непоправимое. Но жалеть отца она не стала. Напротив, ее губы попытались раздвинуться в злорадной усмешке, но... Глава повернулся уже медленно, переступая ногами как каменный истукан. Его лицо, опять замершее напротив девичьего, было спокойным; это было спокойствием смерти. И оно обещало ей то, что невозможно было выразить словами. Хотя аграф попытался.

– Ты будешь жить, отродье Тьмы, – почти ласково пообещал он, – жить долго. Жить и мучиться. Это я тебе обещаю. А для начала... Для начала мы, доченька, попробуем вот это...

За спиной Главы громко икнул слуга. Это «доченька», впервые за четверть века покинувшее уста отца, означало для прислужника неминуемую смерть. В руках аграфа, тем временем, оказалось что-то металлическое, с острой зубастой пастью, в которой могла поместиться голова юной аграфки. Агрегат хищно щелкнул; один из его зубьев ткнулся в середину девичьего лба, и пополз вниз, и вправо, к глазу, оставляя за собой кровавую полосу. Лия зажмурилась, что было сил, и потому не могла увидеть, кто и где негромко произнес слова, заставившие зуб остановиться, не дойдя пары сантиметров до глаза, и впиться в лоб с такой силой, словно теперь ей хотели пробить черепную кость.

– Нет, – произнес кто-то неизвестный негромко, но так властно, что даже Лия, висевшая на цепях, постаралась выпрямиться вдоль стены, – остановись, Глава. Королевству нужна эта девочка.

Отец скрипнул зубами. Он, кстати, уже стоял спиной к девушке, и, естественно, лицом к аграфу совершенно непримечательной внешности, который стоял в проеме открытой двери. Несомненно, Глава знал этого аграфа. Потому что не взорвался бешенством, не швырнул в незнакомца (незнакомца – для Лии) механизм, что держал в руках, или что-нибудь потяжелее. Нет – он согнул спину, никогда прежде не гнувшуюся в присутствии дочери, в достаточно глубоком поклоне, и не менее уважительно приветствовал «гостя».

– Я рад принимать в своем доме тебя, Второй Советник королевства. Слуги проводят тебя в подходящие тебе покои, пока я завершу здесь Дело клана.

– Нет, – таким же, как прежде, спокойным тоном возразил неведомый Второй Советник.

– Что нет, славный лэр?

Главе тоже удалось произнести вопрос спокойно и уважительно.

– Это не дело клана, граф ди Контэ. Это дело королевства. Выйдем.



Советник отступил от двери вглубь темного холодного коридора. Граф медленно, явно перебарывая себя, зашагал туда же. А Лия, всем своим существом понимая, что сейчас может решиться ее судьба, и что жизнь, висевшая на тонком волоске, сможет порадовать ее день, и два, и еще много-много дней, дернулась вслед за ним. Подобно тому, как она пыталась вытянуть из отца его жизнь. И на этот раз, видимо, ее желание перешагнуло какую-то грань и очень органично двинулось вслед за аграфом. Последний, быть может, что-то почувствовал, потому что остановился в дверях, повернулся, тряхнул ушастью головой, и «наградил» дочь долгим обещающим взглядом. А потом с силой, с громким стуком захлопнул тяжелую дверь. Но толстое металлическое полотно не стало преградой для Лионель. Она висела на стене, и одновременно была там – рядом с двумя высокопоставленными аграфами. Ее глаза были закрыты, и в то же время всматривались в темень коридора, пытаясь разглядеть каждую морщинку на лице Советника. Который, как она уже поняла, теперь имел наивысшую власть над ее судьбой. А уши, нормальные человеческие уши, сквозь камень и металл, отчетливо слышали каждый вздох, каждое слово судьбоносного разговора. В отличие от старого слуги, который стоял рядом с дверью, и тоже тянул к ним свои длинные уши. Слышал ли он что-нибудь? Лию это совершенно не интересовало. Главное – слышала она! Слышала каждый слог короткой беседы.

– Советник! – наедине голос Главы не был таким почтительным; он был скорее гневно-раздраженным.

– Граф! – поставил его на место одним словом гость, – мне нет дела до твоих переживаний, лэр. Я заберу эту девочку живой и невредимой. Даже если для этого придется прервать линию одного из кланов Галантэ. Я уже сказал – это Дело королевства. Для тебя, Глава, и для твоего клана этого недостаточно?

– Но, лэр, – Лионель отчетливо увидела, как отец за дверью скукожился, стал меньше, и, поклонившись много глубже, чем в первый раз, заявил жалобно и просительно, – эта тварь убила моего сына. Убила, можно сказать, на моих глазах. Убила так, что даже медкапсула была бессильна. Может ты, Советник, или твои люди...

– Нет! – жестко заявил гость, – ни я, ни мои люди не в силах помочь тебе. Не находишь, что это странно и... страшно?

Глава, помедлив мгновение, кивнул.

– Вот поэтому я забираю ту, которую ты не признал своей дочерью.

Граф ощутимо дернулся. А Советник торжественно, громче, чем все предыдущие слова, отчеканил:

– Но я обещаю тебе, граф ди Контэ, что эта тварь долго не проживет. Ее смерть будет не менее мучительной, чем та, что приготовил для нее ты. И, если это будет возможно, последний удар нанесет твоя рука.

– Да будет так! – еще торжественней заявил граф.

Так Лионель попала в руки Второго Советника королевства Галантэ, и его управления, о котором даже среди аграфов ходили самые жуткие слухи. Впрочем, за пределами королевства об этом управлении никто даже не подозревал.

### **3. Крейсер прорыва «Алмат». Где-то в Диком Космосе. Лия, бывшая Лионель ди Контэ, псион-недоучка**

От каюты техника Арни Лота, чье тело остывало на роскошном ковре, до медицинской секции, которая одновременно была жильем для Лии, было всего несколько шагов. Так что резерв времени для действия, единственного, которому ее обучили в управлении Второго Советника королевства Галантэ, был внушительным; с тройным запасом. Она едва не споткнулась, вспомнив Советника, и тех аграфов, что окружали его. Ну, и какое-то время Лию, конечно. Вступление в новую жизнь было не менее кошмарным, чем та, что ожидала ее в «родном» доме. Впрочем, первые полдня после того, как ее привезли в закрытом флайере в закрытое же помещение, расположенное глубоко под землей, были вполне спокойными. Девушку покормили, заставили искупаться в настоящей душевой и одели в чистый белоснежный комбинезон. Впрочем, последний почти сразу же пришлось снять, потому что помощница Советника, приветливая (на первый взгляд) аграфка подвела ее к медицинской капсуле, и приказала раздеваться. Лия беспрекословно подчинилась, и застыла перед длинным пластиковым ложем, чья прозрачная крышка призывно открылась без всякой видимой и слышимой команды. О том, что аграфка, никак не представившаяся Лие, отдала команду при помощи нейросети, девушка не просто догадалась; она словно почувствовала, и даже увидела, как что-то едва различимое протянулось от головы помощницы к изголовью капсулы. Но об этом, как и обретенной способности видеть и слышать сквозь стены, девушка предпочла умолчать. Это не было исключительно умственным заключением, для этого Лионель была слишком слабо развита; точнее сказать, ее разум был практически не развит. Но инстинкт подсказал ей – вести себя заторможено; улыбаться чуть испуганно и отстраненно, и, главное, не раскрываться никогда, и ни перед кем. Потому что вокруг одни враги, презиравшие ее, и желавшие ей только одного – смерти. Получив от нее предварительно еще что-то, пока непонятное. И этот вывод подтвердился буквально в течение часа.

– Ага, – довольно мило улыбнулась помощница, видя ее нерешительность, – кажется, ты не слишком часто пользовалась медкапсулами.

Лия медленно кивнула. О том, что сейчас будет ее первый опыт пользования этим величайшим творением лучших умов королевства, она сообщать не стала. Просто последовала инструкциям местного медика, и аккуратно легла в ложе капсулы, какую за пределами королевства могли себе позволить разве что властители Миров. Ведь это был аппарат последнего, девятого поколения, и его экспорт приравнялся к государственной измене, и карался соответствующим образом.

Прозрачная крышка медленно опустилась, и Лию начало втягивать в глубину сна. Она, в принципе, была не против отдохнуть; день выдался исключительно богатым на события, и он еще не кончился. Но что-то подсказывало ей: «Не спи, потерпи!». А потом... сознание как-то раздвоилось. Большая часть вместе с уставшим, побитым телом действительно спало, а крохотная любопытная змейка, абсолютно невидимая даже для нее самой, выползла из головы, и принялась «бродить» по капсуле, а потом и за ее пределами. Так, опытным путем, Лионель выяснила, что ее возможности слышать и видеть (даже с закрытыми глазами) не превышают примерно десяти метров. Дальше – стена; невидимая, и абсолютно непроницаемая для змейки.

Иногда любопытное хладнокровное нечто, выращенное девушкой из самой себя, тыкалась безглазой, и безротой головой обратно в тело – в те места, где, как по волшебству пропадали ссадины и синяки, а под восстанавливающей нежностью кожей срастались сломанные ребра. Еще что-то пыталось подергать за уши. Попыталось, и отступило. Но вот змейка опять

метнулась наружу, за пределы капсулы. Это в пределы десятиметровой зоны, которую не покидала помощница, вступил сам Второй Советник.

– Лэр, – помощница склонилась так низко, что едва не достала до идеально чистого пола ушами, – я почти готова.

– Ну, что там?

В абсолютно спокойном голосе аграфы проскользнули нотки нетерпения. Помощница замерла, и змейка дернулась в попытке проследовать вслед за другой, такой же бестелесной нитью. Той самой, что протянулась теперь от капсулы к аграфке. А та, все так же в ступоре, подобно сомнамбуле начала декламировать:

– Лионель ди Контэ, двадцать пять биологических лет. Без всякого сомнения, родная дочь графа ди Контэ и его супруги. Генетически – стопроцентная аграфка. Уродство с человеческими ушами объяснению не подлежит; на попытки медкапсулы вернуть нормальные – аграфские – уши организм отреагировал резким выбросом гормонов и антител, готовых прервать операцию изнутри. Прервана командой снаружи.

– Давай главное, – подстегнул ее начальник.

– Индекс интеллекта – сто девятнадцать. Абсолютно не развит. Нейросеть отсутствует. Точнее – не устанавливалась вообще. Уровень развития крайне низок. Словарный запас соответствует шести-семилетнему возрасту. Многочисленные внутренние и наружные повреждения купированы...

– Самое главное! – рявкнул Советник.

– Увы! – фигурка помощницы сжалась; она склонилась, словно заранее прося прощения за не очень приятную весть, – ничем хорошим девочка нас порадовать не может. Уровень ментоактивности едва дотягивает до **Н8**.

– Не может быть! – даже пошатнулся от неожиданности лэр, – я собственными глазами видел. Там уровень был не меньше, чем **С**. А может, и до **В** дотягивал.

– Ну, не знаю...

Советник, тем временем, ее не слушал. Он явно прислушивался к кому-то, или чему-то другому. И, скорее всего, услышал. Потому что буквально через пару минут он удовлетворенно кивнул, и повернулся к помощнице уже с привычным властным выражением лица.

– Аргениэль (так, очевидно, звали помощницу)! Повреждения – о которых ты говорила – они уже полностью залечены?

– Да, сиятельный лэр!

Помощница явно уловила перемену в настроении шефа; из ее голоса исчезли даже намеки на игривость. Вся ее фигура показывала готовность сорваться с места по первому слову. И слово это прозвучало. Точнее, слова:

– Неси ее... на арену!

Если аграфка и удивилась, ничто в ее лице не показало этого. Она лишь на несколько мгновений замерла, как прежде Советник. Несомненно, она связалась со своими помощниками – дроидами. Даже Лия, отстраненно наблюдавшая за этим диалогом, сообразила, что Аргениэль не снизойдет до того, чтобы тащить пленницу на собственном плече.

Манипуляторы примчавшихся дроидов, которые своим матово-серым цветом и плавными обводами мало чем напоминали того угольно-черного монстра, небрежно тащившего девушку в подземелье замка ди Контэ, оказались на удивление мягкими, даже ласковыми. О том, что они при необходимости могут быть безжалостными и смертоносными, Лие еще предстояло узнать. Теперь же ее подхватили так комфортно, как она не возлежала даже на собственной кровати, или мягкой травке в парке, и понесли вслед за стремительно двинувшейся вперед помощницей Второго Советника королевства. Сам он, кстати, исчез из сферы внимания Лионель еще раньше.

Ареной здесь называли помещение, которое представляло собой цилиндр диаметром не больше десяти метров. Все здесь – и полы, и стены, и высокий потолок – были однотонного песочного цвета. Даже дверное полотно, которое бесшумно затворилось за скользнувшими наружу дроидами, и слилось с материалами стен. Лионель оценила упругость полового покрытия, на которое была бережно сгружена, и подошла к стене, чтобы убедиться – последняя была так же теплой, и поддавалась на нажатие руки. Она двинулась по кругу, словно пробуя на прочность покрытие; ни на мгновение не остановилась, не показала даже мельчайшим намеком, что в одном месте за стеной явственно просматривались две напряженные фигуры – там сидели, и явно наблюдали за пленницей Советник с помощницей. Точно так же она не отреагировала на третью фигуру, которая стремительно приближалась с противоположной стороны – туда, где юная аграфка своим особым зрением разглядела контуры еще одной двери. Она вздрогнула всем телом – уже не понарошку, а все своим существом, когда эта дверь бесшумно отъехала в сторону, и на арену ступил разумный, способный навести ужас на куда более опытного и выдержанного аграфа.

Это, несомненно, был разумный, но какой! Огромный, ростом больше двух с половиной метров, и размахом плеч таким, что Лия полностью поместилась бы на них в длину, еще и места немного осталось бы. И еще – он был покрыт волосами, или шерстью. По всему телу, но неравномерно. И только когда он в несколько неторопливых, но очень широких шагов приблизился к девушке, она, едва не теряя сознания от страха, поняла, что в тех местах, где густая бурая шерсть отсутствовала, ее замещали рваные шрамы и рубцы разной степени заживления. А из длинной резаной раны на мощной груди еще сочилась темная кровь.

Чудовище задрало голову к потолку, гулко бухнуло себя кулаком в грудь, прямо по ране, и что-то прокричало. Лионель не поняла ни слова, но инстинктивно поняла часть тирады – ту самую, что сопровождалось реакцией громадного мужского органа в заросшем особо густо паху. Все там зашевелилось, набухло, восстало навстречу такой мелкой для громады мышц и костей женщине-аграфке, и самец сделал последний шаг. Настолько стремительный, что Лия не успела испугаться еще сильнее, и провалиться в спасительный обморок, как оказалась погребена под живой плотью, в жалких остатках комбинезона, разодранном острыми когтями. От гиганта пахло остро и жарко; мужским потом, кровью и еще чем-то резким, от чего уплывающее сознание резко вернулось в голову. И в тот же момент ее буквально разорвало пополам дикой болью, а самец на ней зарычал довольно и торжествующе. Мысли маленькой аграфки заметались в отчаянии. Ей вдруг вспомнился братец, его глаза, его понимание близкой и окончательной смерти. Но у этого монстра глаза, которые он, несомненно, закатывал от похоти, были где-то в недостижимом далеке. И сама Лия не могла пошевелить ни руками, прижатыми к телу грузной тушей, ни ногами, отказавшими от лавины боли. Единственное, чем могла шевельнуть сейчас Лия, это губами – чтобы чуть обнажить острые, как и у любой аграфки, зубки. Один из клыков задел тонкую кожу раны на груди здоровяка, и в рот девушки потекла быстрая струйка горячей крови.

Лионель не вывернуло наизнанку; она не подавилась потоком жидкости, набирающим силу. Нет – она с изумлением и радостью провалилась в тот транс, что сопровождал девушку в последние мгновения жизни Армонвилля. Каждая капля крови здоровяка несла ей десятикратную, нет! – стократную дозу энергии, и она никак не заканчивалась. Конечно, вся кровь монстра никак не могла уместиться в пищеварительном тракте аграфки. Но этого и не потребовалось. Монстр отчаянно закричал, явно почувствовав свое последнее мгновение в мире живых, и обмяк, полностью накрыв девушку телом. Но у Лионель теперь хватило сил, чтобы отбросить два с половиной центнера мертвой плоти в сторону, даже не заметив усилия. А потом встать, утвердившись на теплом, залитом кровью полу. Она стояла спиной к прятавшимся за стеной зрителям, но все равно видела, как они замерли стоя в удивлении и, быть может, в ужасе. И как Советник почти жалобно, но очень экспрессивно закричал на помощницу:

– Живо! Живо ее в капсулу!

Конечно, Аргениэль не бросилась сама к залитому кровью монстру – сейчас эту роль исполняла Лионель; она опять вызвала не помощь дроидов. А Лия не сопротивлялась; она отдалась ласковым манипуляторам механизмов, и поплыла назад по уже известному маршруту. И еще успела отметить, как в противоположную дверь арены шагнули другие дроиды – обычные уборщики; явно за мертвым телом.

И опять опустилась прозрачная крышка медицинской капсулы; из засыпающей Лионель привычно скользнула змейка, которая совсем скоро с каким-то злорадством донесла до своей хозяйки слова Аргениэли, которая чуть ли не легла на прозрачный пластик сверху.

– Лэр! – вскричала она, выпрямляясь, – это просто невероятно! Искин показывает уровень ментоактивности **A8**... нет, ошиблась – **A9**... Ой!

Аграфка за пластиком даже прикрыла рот ладошкой, а Советник в нетерпении изогнул тело невероятным образом, заглядывая в лицо помощницы, которая стояла впереди, и была ниже его на целую голову.

– Что – «Ой»? Что с ней происходит?

Помощница не отреагировала на вопрос шефа. Точнее отреагировала, но совершенно особенно. Она продолжала зачитывать монотонно, как мантру, непонятные для Лии буквы и цифры: «**A10...B1...B5...C5...F5...H8**».

– Все! – ожила она, наконец, – вернулись к исходной цифре. Наверное, это и есть ее природный уровень.

– Выводы буду делать я, – проворчал Советник, вернувший себе хладнокровие гораздо раньше аграфки, – а ты, Аргениэль, устрой эту уродку на третьем уровне. Помыть, одеть, накормить. Занять чем-нибудь. Да хоть игрушек ей принеси.

– Может... чего-нибудь обучающего?...

– Ни в коем случае! Ты еще предложи ей нейросеть поставить. Не будем рисковать; кто знает, как поведет себя проснувшийся разум.

Он стремительно унесся из медсекции. А Аргениэль опять склонилась над капсулой, вглядываясь в спокойное лицо Лии. Сейчас, когда ее не могли видеть ни Советник, ни камеры наблюдения, к холодному пластику почти прижималась не прекрасная богиня, а фурия, едва сдерживающая ярость:

– Разум, говоришь! – прошептала она зло и так тихо, что даже Лионель едва расслышала ее, – твой-то уже давно протух. Только и знаешь, что бегать советоваться с биоискином. Без него, наверное, забыл бы, как горшком ночным пользоваться.

Такого всплеска ярости испугалась даже бесплотная змейка Лии. Она втянулась в тело, и девушка, уже лишенная чужой энергии, полностью отдалась воле медицинского искина.

Так начался новый, очень короткий, и очень насыщенный этап ее жизни. Дни мелькали перед глазами вместе с новыми монстрами, насильовавшими ее на арене, а потом и прямо в капсуле. Разные они были – вполне красивыми, и страшными уродами, людьми и нелюдьми; даже какими-то прямоходящими крокодилами. Последний, впрочем, на ее девичьи прелести не прельстился, но покусал знатно, прежде последние капли его энергии оказались в организме аграфки. И все – ничему больше ее не учили. Хотя – по подслушанным не один раз монологам и диалогам помощников Советника и его самого – неокрепший ум девушки понимал, что дыры, в которые истекала заемная сила, вполне можно было зарастить; что ее объемы можно было полнить. И что, наконец, этот страшный дар мог быть не единственным, чем одарила юную аграфку природа. Увы – Советнику королевства была нужна только эта особенности организма Лии.

– Ну, вот, – сказал он ей в один прекрасный (или совсем не прекрасный) день, – теперь мы перейдем к тому, зачем, в общем-то ты тут и находишься. Послужим Галантэ. Вместе. А я тебе помогу. Не бойся, девочка.

А девочка уже не боялась ничего. Она просто помнила тот разговор, что состоялся у этого аграфа с ее отцом. Ничего не планировала на этот счет, но почему-то ждала новой встречи. Ее повели, точнее, повезли, на платформе с удобными креслами, ослепительно-белого, как и почти все вокруг, цвета. Повезли по подземным переходам далеко – так что путь на летящей на достаточно высокой скорости над полом на высоте полуметра платформе занял не меньше получаса. И на всем этом пути им не попалось не одного встречного разумного, ни одной платформы. Лишь немногочисленные дроиды замирали в нишах, явно предупрежденные о прохождении важных персон.

В новой секции было безлюдно. Лию почти торжественно ввели в крохотную комнату, единственным предметом обстановки которой было роскошное ложе, с ожидавшим ее обнаженным мужчиной. На этот раз обычным человеком.

– Иди! – подтолкнул ее в спину Советник, – ты знаешь, что делать.

Лия привычно, без проблесков каких-то чувств легла под незнакомца, и почти сразу же «выпила» его досуха. Она не знала о таком явлении, как наркомания, но уже была, несомненно, таковой. Причем, в самой страшной, уродливой ее форме. Потому что зависимость обычных разумных от химических, или природных наркотиков лечилась одним сеансом в медкапсуле. А болезни псионов техника даже самого последнего поколения не лечила. Помочь мог только более сильный псион. А таких к Лие даже близко не подпускали.

Полную сил аграфку провели в помещение, находившееся в нескольких шагах от комнаты. Абсолютное большинство разумных Содружества изумилось бы беспредельно, увидев устройство, стоявшее посреди огромной залы. Но не Лия – эту аграфку уже ничто не могло удивить. Посреди огромной залы, ярко освещенной невидимыми светильниками, стояла, несомненно, медицинская капсула. Но необычная, сдвоенная – словно созданная для лечения близнецов. Однако внутри лежали отнюдь не близнецы. Лионель, бросившая равнодушный взгляд внутрь открытой капсулы, увидела в ней двух человек – глубоко старика, чья грудь едва вздымалась, и молодого, явно полного сил, но сейчас тоже бессознательного юноши. Приглядевшись, можно было распознать общие черты у двух таких разных представителей человеческой расы. Но Лие это было ни к чему. Она ждала лишь продолжения: команды Советника. И команда последовала – после того, как капсула закрылась, и ее стремительно заполнила какая-то жидкость, в которой теперь плавали два тела, и странная конструкция, больше всего напоминавшая диковинный цветок, собранный в соцветие из перемежающихся ярко-красных и нежно-розовых лепестков.

– Лионель, девочка. Ты должна сейчас всю ту силу, что получила у... в общем, ту, что получила недавно, осторожно влить вот в это устройство, – он показал на «цветок», своими краями удивительным образом касавшийся висков обоих разумных.

Аграфке было не жалко; максимальный экстаз она получала, когда энергия заполняла ее тело. Теперь же она непринужденно положила ладони на прохладный пластик капсулы, и постаралась вытолкнуть чужую силу из себя. Она не направляла ее в определенную точку пространства, но конструкция словно сама притянула нужную ей энергию. Лепестки – один за другим, начиная от виска старика, истаявали в жидкости, абсолютно не реагирующей на такую реакцию, а Лионель замерла, подспудно чувствуя, что на ее глазах творится чудо, по сравнению с которым ее «игры» с энергией казались песчинкой рядом с горой. Зримым воплощением этого чуда было истечение уже другой энергии – от старого тела к юному. И когда исчез последний розовый лепесток, аграфка каким-то неведомым чувством поняла, что старик, не сделавший в тягучей жидкости последнего вдоха, умер. А юный разумный открыл в той же жидкости глаза, заполненные опытом длинной прожитой (быть может, не одной) жизни...

Лия, так не вовремя погрузившаяся в воспоминания, с трудом удержала равновесие, перешагивая через порог медсекции крейсера. Эта дверь была заранее открыта, и все внутри было приготовлено к действию, аналог которого она сейчас вспомнила.

– А потом было еще три таких, – она едва опять не окунулась в пучину воспоминаний, и тут же тряхнула головой, – не сейчас; не время и не место для этого. А время придет.

Аграфка осторожно опустила тяжеленную конструкцию в специальное приемное отделение двойной капсулы, мазнула взглядом по двум лицам – старому и молодому. Ничто не зацепило ее душу; обычные люди... Хотя – много ли она видела обычных людей? Перед глазами быстрее очереди из игольника промелькнули лица немногих людей, которым не посчастливилось встретить на своем жизненном пути юную аграфку.

Крышка толстого прозрачного пластика медленно опустилась на место, так же неторопливо скользнула внутрь конструкция, утвердившаяся точно между двумя разумными; их головами. Заполнение полости капсулы специальной жидкостью началось автоматически, без дополнительной команды. Все – вплоть до завершения процедуры, а продлиться она должна была почти полные стандартные сутки – было запрограммировано заранее. Программа же писалась столетиями, и обошлась в миллиарды кредитов и тысячи жизней разумных. Гель тоже был не обычным. Жестко привязанный к генотипу лежащих в капсуле разумных, который – кто бы мог подумать! – совпадал на сто процентов, он обладал способностью сохранить зависшие в нем тела и довести процедуру до завершения даже в условиях межзвездного пространства, без внешних источников питания. Об этом как-то упомянул Второй Советник, и не отягощенные грузом лишних знаний мозги Лионель впитали и сохранили эту информацию. И много другой, которая временами выползала из памяти.

Сейчас плотный гель подчеркнул особенности лиц и фигур обнаженных людей; словно сделал старика еще старше, практически мертвецом, а его молодого визави – красавцем с мужественным лицом и рельефной мускулатурой. Но особенно четко в этой тягучей жидкости проявились жесткие диски конструкции. Они будто зажили собственной жизнью; казалось, это невесомые лепестки роз колышет теплый летний ветер, и сейчас он начнет срывать их один за другим, и...

Наваждение, казалось, охватило и Лионель. Она стояла сейчас на специальной подставке, позволявшей ей видеть содержимое капсулы полностью. Вот она склонилась так, что ее лицо оказалось над конструкцией, над тем ее краем, что касался кончиком трубки виска старца. Губы аграфки, еще помнящие тепло уст несчастного Арни Лота, чуть приоткрылись, и наружу, сквозь пластик капсулы и застывший подобно камеди гель вместе с выдохом потекла команда:

– Начинайте...

Слово это было не обычным; оно переполнялось энергией, которой поделился Арни. Лия и толику собственной добавила. И эта гремучая смесь впиталась первым лепестком конструкции. Теперь последняя работала сама; Лия, вытолкнувшая из себя одним выдохом гигантскую порцию жизненной энергии, буквально распласталась на крышке. Сейчас ей доставало сил лишь следить за удивительным процессом, глубинного содержания которой она не могла знать. Первый лепесток истаял, растворился в геле. И что-то изменилось в паривших в капсуле мужчинах. Морщины в лице старика стали глубже, из него словно истаяла крупинка чего-то важного, что составляло саму суть разумного. И столько же не менее важного проявилось в лице молодого. Еще один лепесток, и еще одна порция жизни переместилась из тела одного разумного к другому. И все это в абсолютной тишине. Не слышалось даже дыхания Лии, стука ее сердца. А кроме нее, и двух разумных, замурованных в медицинской капсуле, ни одной живой души не было на расстоянии двух гиперпрыжков. Именно там стоял в ожидании контрольного срока крейсер-близнец «Салмат» со своей командой, и командой «Алмата» в качестве пассажиров.

Лия не шевелилась; один за другим растворялись бесследно алые и розовые лепестки, все больше жизни проявлялось в лицо молодого мужчины. А старый... все шло к тому, что он едва ли переживет последний лепесток. Вообще-то программой так и было предусмотрено, что как раз к этому моменту в капсуле должен остаться лишь один разумный. Не раньше и не позже.

Так и случилось бы, потому что никто, кроме Лионель помешать этому процессу не мог; а сил у нее практически не осталось. Так и случилось бы, если бы не тот лепесток, если бы не та злосчастная ошибка, которую допустил аратанский инженер Арни Лот. Впрочем, эту ошибку вполне могла отнести на свой счет Лионель ди Контэ. Арни уже заплатил самую высокую цену; а Лия?

Тот поток жизненной энергии, что двигался вдоль трубки и пожирал лепестки один за другим, поменял вектор своего движения. Вырвавшись из металлического плена, он сгустился и утончился до размеров, рядом с которым атом был той самой горой, которая родила мышь. Этот луч пронзил голову Лии, задержавшись в ней ровно на тот неуловимый отрезок времени, который потребовался, чтобы выдрать с последним корешком то, что, собственно, и отличало от других разумных Лионель ди Контэ. Ее совсем невеликую память и удивительные способности. То бесформенное, хотя и по-прежнему красивое тело, лежащее на пластике, уже не было Лией. Последним отблеском мысли, улетающей в космическое пространство вместе с лучом, было огромное сожаление от того, что она так и не смогла вернуться домой, в замок, и не смогла еще раз заглянуть в глаза графа ди Контэ. Заглянуть по своему, как она не раз заглядывала в глаза и души разумных на арене. Стало бы ей легче, если бы она успела узнать, что единственный лепесток в конструкции, угнездившийся вопреки установленному порядку, ударит в будущем и по Второму Советнику, и по клану Контэ? Что именно сейчас начала свое неторопливое и безудержное движение лавина событий, которая погребет под собой практически каждого, кто старательно творил из маленькой девочки безжалостного монстра. А стронул первый камешек этой лавины яростный луч, вырвавшийся на просторы вселенной, в поисках... Кого?...



## **4. Земля. Неизвестная горная система, Сердце мира. Никита Чернов, отшельник и бывший полковник Генерального штаба ВС России**

Никита Владимирович Чернов не считал себя особенным человеком. Что с того, что он в сорок лет стал полковником Генерального штаба, да еще сотрудником одного из самых засекреченных его отделов? Практически абсолютное отсутствие амбиций, желания покрасоваться, стать выше других, а значит – новых званий, наград и положенных при этом материальных благ – отличало Чернова от людей, окружавших его всю жизнь. С первых его шагов в детском доме.

Рожденный в предвоенном, сороковом году, он не помнил даже лица своего отца, погибшего в первые дни Великой Отечественной; лицо мамы, попавшей вместе с ним под бомбежку в сорок втором, он представлял перед собой отчетливо, до мельчайших черт. Но и только. Больше ничего. Как отрезало – до первого дня в Ташкенте, в детском доме, куда его эвакуировали вместе с сотней других сирот. Вот этот момент, и все последующие дни, один за другим, он помнил посекундно. Уникальная память была не единственным даром родителей и природы-матушки. Еще у него очень рано проявились аналитические способности, здоровый авантюризм, и потребность, которое сам он называл ИГРОЙ. И которую он вел практически всегда, раунд за раундом. Все это было замешано на здоровом чувстве патриотизма, что позволило Никите успешно лавировать между двумя наиболее активными группами индивидуумов, окружавшими его в детстве и юности. Первая, более мобильная и агрессивная, была представлена всеми гранями уголовного содружества, без которого, наверное, не обошлось ни одно учреждения типа того, в котором рос и воспитывался Чернов. Попыток вовлечь парня в малолетнюю банду щипачей или квартирных воров он избегал элегантно и красиво; так, что ни у кого у атаманов и рядовых членов этих банд не возникало даже мысли обвинить его в стукачестве. С противоположной стороны бесконечной войны – ментами, воспитателями, и их тайными «агентами» среди воспитанников дома – он тоже был в достаточно ровных отношениях. Не ложился под них, но и в явных контрах не состоял. Эти две группы, а также третья, самая многочисленная, инертная часть дома были для него фигурами ИГРЫ, которыми он к окончанию своего пребывания в детдоме научился великолепно манипулировать. Причем – учитывая его здоровый патриотизм – не в личных целях. Просто в результате его внешне совсем незаметных манипуляций это учреждение для абсолютного большинства воспитанников стало настоящим ДОМОМ, а те, кто не смог органично влиться в эту семью, как-то незаметно исчезли. Сам же Никита предпочел оставаться в тени; никаких общественно значимых постов не занимал, и в старших классах даже стал тяготиться домом, в котором все стало предельно предсказуемым и идеально отрегулированным.

– Эта ИГРА закончилась, – сказал Никита сам себе, и стал готовиться к новой.

Именно в этот момент в нем проснулась еще одна грань дара, которую сам Чернов назвал чуйкой. Внутри себя он усмехался, представляя, как поворачивается по сторонам света, и принимает, пытаясь угадать направление, в котором следует двигаться. Но со временем усмешки пропали; он действительно стал различать запахи своих предстоящих действий. Даже попробовал в какой-то момент разыграть комбинацию, которая «не очень приятно пахла». В результате – пара сломанных ребер, подтверждение этой весьма полезной способности, и новые ИГРЫ, которые привели его поочередно в техническое училище, потом в армию, на пограничную заставу. И, наконец, в военное командное училище, откуда весьма способный, но слабо мотивированный для карабканья вверх по служебной лестнице офицер отправился напрямик в штаб стрелковой дивизии, в ее оперативный отдел. Должность очень суч-

ная по меркам боевых офицеров, которых в середине шестидесятых годов в войсках было еще много.

Тут жестокая действительность попыталась нанести первый удар по патриотической сущности Никиты. Круглая физиономия Хрущева, тезки, после его попытки развенчать культ вождя народов стала для Чернова своеобразной мишенью на стрелковом стенде, и от этой мишени буквально смердело чем-то протухшим. Никита расшифровал этот запах как стремление ничтожного существа потоптаться на мертвом теле гиганта, который вызывал прежде неопиcуемый ужас, вплоть до мокрых штанов. Ну, а заодно, и замазать собственные грешки, которых у нового руководителя партии и государства хватало.

Время шло, росло количество звезд на погонах, а значит, возможности вести более масштабную ИГРУ. Наконец, во время обучения в академии Генерального штаба, чья-то не менее светлая голова заметила этого скромного, на фоне остальных, офицера. А может, тоже сработала чья-то чуйка; Никита в этом отношении был уверен, что его дар, или совокупность даров не является исключительным, что по земле ходят, начинают и заканчивают свои ИГРЫ и другие игроки. И что он среди них отнюдь не самый сильный. Больше того, его собственная очредная ИГРА вполне могла быть частью другой, более изощренной и масштабной.

Особенно часто такие мысли стали посещать голову Игоря Чернова, когда он в звании майора Советской Армии был оставлен в Москве, в том самом отделе Генерального штаба. Казалось бы – живи, и радуйся! Двухкомнатная квартира в Москве, в пределах Садового кольца, высокооплачиваемая интересная работа... Но вот та самая чуйка заставляла майора, а потом подполковника, и почти сразу полковника Чернова все чаще морщить виртуальный нос в брезгливой гримасе. И дело было не в сослуживцах – умных, образованных и патриотически настроенных офицеров и генералов было вокруг большинство. Но вот общее направление их совместной деятельности... Той самой, ради которой и был создан специальный отдел. Необычный прежде всего тем, что к его работе кроме кадровых военных широко привлекали «чужих» – сотрудников МИДа, Минвнешторга, других министерств, имевших отношение к внешнеполитической деятельности страны. Ну и, конечно, без смежников из госбезопасности не обошлось. Куда же без них?!

Скорее всего, Чернову потому и «кинули» так быстро по третьей большой звездочке на погоны, что как раз он и был связующим звеном от Генштаба. Как же – престиж ведомства. Впрочем, ценили его в отделе не за звезды, и немногочисленные награды, а как раз за те качества, что и составляли его внутреннюю суть. Повторим – необыкновенная память, выдающиеся аналитические способности, здоровый авантюризм и искренний патриотизм. Ну, и чуйка, конечно же. И отсутствие карьеризма к тому же.

Внешне это выглядело так: к переломному для России одна тысяча девятьсот девяносто третьему году молодежавый в свои пятьдесят три года; невысокий, но стройный; подтянутый, не допускающий небрежности в одежде (скорее от природы, а не принадлежности к воинскому сословию) с едва обозначенной улыбкой на лице, черты которого ничем не выделялись. Ни квадратного подбородка, ни стального пронизывающего взгляда под нахмуренными бровями... В общем, его можно было принять за инженера, учителя, ученого. Именно таким, в гражданском костюме серого цвета, он и зашел в кабинет генерала, начальника отдела. Доложился по форме, и остался стоять у дверей, как обычно. Необычным было приглашение от генерала в уголок, где кожаные диван и кресла, и небольшой столик на гнутых ножках несколько разбавляли тяжелую официальную обстановку кабинета. Прежде полковника Чернова здесь если и приглашали присесть, то только к приставному столику у огромного, как стадион, двухтумбового генеральского стола.

Сам Чернов такому отношению к себе был только рад; слишком сильно от генерала несло презрением к выскочке из ниоткуда, офицеру, не имевшему длинной вереницы предков-военных, и теперь не стремившемуся соответствовать своим внешним видом высокому званию.

Впрочем, генерал Юрий Николаевич Смирнов дураком не был; незаурядные способности подчиненного признавал, и всю использовал. И не раз уже перехватывал у полковника бразды правления очередной ИГРОЙ, когда самому Чернову уже было совсем неинтересно, и когда начинающийся звездопад очередных званий, орденов и других вкусных «плюшек» обрушивался на победителей.

Сейчас в отделе была одна ИГРА; одна, но какая. По ее сценарию Россия, наследница Советского Союза, должна была это наследство получить. Получить с хорошими процентами. Вложено было немало – и в братские прежде республики, и в половину Европы, которая сейчас стремительными темпами соединялась с другой половиной.

– Соединяйтесь, – «разрешил» им полковник Чернов еще в те времена, когда первыми, чуть слышно начали гавкать польские диссиденты, – только за свой счет. Расплатившись по всем долгам. А кому вы должны, паны, да камрады? Правильно – России.

Потом пошло-поехало, и Никита Владимирович, закинувший крючок с наживкой в виде наметок плана действий, тихо радовался, как стайка рыбешек, яростно гребя плавниками, заглатывает его все глубже и глубже. Подходила пора резко подсесть, и вытащить добычу на берег. Родной берег, конечно. Операцию, в которую было вовлечены уже сотни сотрудников, часто не понимающих конечных целей, называли «Одиссей». Самому Никите это название не понравилось. Внутренний смысл названия, предложенного кем-то с самого верха, был понятен – возвращение на Родину.

– Только вот в каком виде этот царек вернулся на Итаку? – задал тогда вопрос себе полковник; и сам же себе возразил, в утешение, – ну, хоть врагов при этом покрошил без счета.

– Присаживайся, полковник, – широким жестом пригласил его генерал, ткнув в окончании пальцем в кресло.

Сам он развалился на диване, подхватив со столика пузатую бутылку темного стекла.

– По сто грамм, – скорее приказал, чем предложил он, – разговор у нас будет серьезный, хотя и очень приятный для тебя.

Чернов ничего приятного от генерала Смирнова не ждал. Однако отказываться от предложенного бокала с коньяком не стал, хотя и не любил этого напитка, даже самых элитных сортов. Начальник отдела, естественно, дешевых коньяков не пил. Согревая в руках широкий бокал, Никита принимался к его содержимому и носом, и своей чуйкой. И едва не отбросил бокал на пол – так сильно из него разило чем-то неприятным, даже противным.

– Деньги, – наконец понял он, – точно так же, или очень похоже пахнут деньги в день полочки; особенно, если их выдавали новенькими купюрами. Это сколько же ты намеревался поднять на своей новой ИГРЕ, товарищ генерал, если и от коньяка, и от всего кабинета, а особенно от тебя самого прет кипами деньжищ.

Увы – ни о какой новой операции дело не шло. Генерал, отхлебнув приличный глоток янтарной жидкости, и даже не поморщившись, подобрался, и уже вполне официальным тоном сообщил, как кувалдой по голове ударил:

– Операция «Одиссей», полковник. Решено расширить границы ее применения. Прежде всего, за счет привлечения новых участников...

Чернов понял; догадался, каких именно участников не назвал начальник. Американцы, Соединенные Штаты, всеми силами пытавшиеся занять в мире место, которое освобождал недавний стратегический противник.

– Теперь еще и деньги. Вернее все то, что мы вбухивали на своей половине мира. Если даже не используют, то и нам не позволят. Гады!!!

Прежде всего, этот крик души был обращен не к янки – они как раз вели свою ИГРУ, и вели неплохо. Нет – вся ярость и негодование, бушевавшие сейчас внутри внешне абсолютно спокойного Чернова были направлены на человека, сидевшего перед ним, а через него на тех,

кто дал команду так резко поломать ИГРУ, развернуть ее практически на сто восемьдесят градусов, и из стопроцентно выигрышной позиции перевести ее в крах.

– А тебе, полковник, – уже в приказном порядке сообщил выпрямившийся на мягком сидении генерал, – придется вместе с группой отправиться в командировку. Ты ведь у нас до сегодняшнего дня был невыездным?

– Так точно, товарищ генерал, – Чернов уже стоял у столика по стойке «смирно», успев поставить бокал на краешек столешницы так ловко, что тягучая янтарная жидкость в нем даже не шелохнулась.

– Так вот, Никита Владимирович, – широко улыбнулся Смирнов, – ты теперь уже выездной, да еще какой. Едешь сначала в Америку, потом – после комплектования совместной группы – в турне по Европе. Завидую!

Полковник по глазам начальства видел, что ничего тот не завидует. Больше того, это «турне» дохнуло на принявшую боевую стойку чуйку таким могильным тленом, что Никита Владимирович понял – поездка для него персонально будет иметь один конец.

– Точнее, начало, – усмехнулся он внутри себя, – в этом самом кабинете, а конца не будет. Даже заметки в траурной каемке в служебной прессе не появятся. И искать меня никто не будет – один, как перст на свете. Значит... Значит, начинаем новую ИГРУ. Теперь мою личную.

– Когда выезд, товарищ генерал? – спросил он абсолютно спокойным голосом.

Начальник, очевидно, все же что-то почувствовал; таких высот без собственной чуйки достичь было невозможно. Опрокинув в широко раскрытый рот остатки коньяка, он пружинисто вскочил на ноги, и скомандовал, посмотрев на подчиненного вниз с высоты своих гренадерских метра девяносто:

– Две недели у тебя еще есть, полковник, чтобы привести дела в порядок. Ну, и отдохнуть, если хочешь. Новые... партнеры люди деловые. Там времени прохлаждаться будет немного.

– «Хозяева», – перевел для себя легкую заминку полковник, – а как же «турне», награда за долгую беспорочную службу?

– Разрешите идти?

Чернов изобразил каблуками гражданских туфель шелканье хромовых сапог с набойками – у него это хорошо получалось. Развернулся, и четким шагом, отработанным еще в срочную, а потом в училище, вышел из кабинета. И направился в собственный, как ни в чем не бывало.

– Что теперь, голову пеплом посыпать? – полковник по привычке скрыл горькую усмешку от сослуживцев, которых в коридоре встретилось совсем немного, – или достать из сейфа табельный пистолет и вернуться к генералу, мочкануть его за измену Родине. Иначе не назвать. Так ведь не дадут. Не супермен я. А если и получится – что потом! Расстреливать набежавшую охрану, и последний патрон себе? Нет, ребята, мы так не договаривались. ИГРА еще не закончилась.

Он предполагал, что за ним могут наблюдать. Потому его действия в штабе были абсолютно естественными. Никита Владимирович не жег документы, не рвал их в клочья и не прятал под пиджаком на вынос. По одной причине – не видел в этом никакой необходимости. Все планы и документы для общего пользования были у других сотрудников группы. В самом полном наборе – у генерала. Но не все контуры ИГРЫ, до завершения которой еще было далеко, полковник Чернов доверял бумаге. Его голова, в которой были прописаны шаги многоходовки, до самых мелких, незначительных – вот что нужно было «партнерам».

– Видимо, там, за океаном, нашелся человек не дурнее меня; разобрался с материалами, которые ему, конечно же, преподнесли, и понял, что целостной картины нет. Понял и то, что автор у этой картины есть. И что он, этот автор (то есть я), рисует не наобум; что точный, конечный план есть. Определенно, там хватает умных ребят. Смогут подхватить, так сказать,

знамя их рук павшего бойца, и наваять что-то свое. Может, не менее убойное. Но зачем – если боец этот еще бежит, и может привести за собой в победе? Причем – заметьте – практически бесплатно. Ну, сколько там будет стоять турне «по Европам»?

Полковник негромко рассмеялся, придя в обычное, чуть расслабленное состояние чувств. Признал, что эту ИГРУ он проиграл, и что главное теперь – выйти из нее с наименьшими потерями. Для него лично. Об этом Никита Владимирович размышлял уже на ходу. Он закончил с делами как раз к окончанию рабочего дня; по привычке задержался на пятнадцать минут. Закрыл дверь кабинета на ключ, потом опечатал ее и сдал дежурному, который всегда присутствовал на этаже. И легкой походкой направился домой. Пешком, как обычно.

– Не заглянуть ли мне сегодня в магазин? – спросил он себя чуть громко, вслух – так, чтобы расслышал дежурный на входе в здание, – пожалуй, так и сделаю.

Вообще-то в магазины холостяк Чернов заходил регулярно – кушать-то хочется, а в столовой штаба он лишь обедал. Поздние завтраки и ранние ужины, которые та же столовка могла обеспечить, его не прельщали. Но вот эту именно фразу: «Заглянуть в магазин», – Чернов относил к одному конкретному торговому предприятию. Маленькому магазинчику, торговавшему антиквариатом. Из всего многообразия пристрастий, или, как стало теперь модно называть, хобби, его душу прельстили старинные колюще-режущие предметы. В основном колющие – кинжалы. Таких в коллекции Никиты Владимировича, ни разу не общавшегося с другими коллекционерами, было ровно шесть штук. И все они были куплены в этой антикварной лавке, располагавшейся в полуподвале старинного доходного дома.

Неторопливо скрипнула массивная дубовая дверь, помнившая, быть может, тепло ладоней Пушкина и молодого Толстого, и полковник окунулся в особую атмосферу старых вещей. Продавец, точнее – по старому – торговец антиквариатом Илья Соломонович, и сам пропитался этими ароматами. Навстречу постоянному посетителю, и редкому покупателю он со своего старинного стула с высокой спинкой не встал, но улыбнулся приветливо. Впрочем, его улыбка тут же стала чуть виноватой:

– Извини, Никита Владимирович, – все же чуть привстал он с сидения, – но ничем порадовать сегодня не могу. Ничего с прошлого раза «особенького» не сдавали. А «не особенное»...

Сухая старческая ладонь протянулась в сторону стеллажа с предметами, которые, на его взгляд, настоящего ценителя никак не могли заинтересовать.

– Здравствуй, Илья Соломонович, – приветливо улыбнулся торговцу полковник, не собираясь подходить с рукопожатием; старик почему-то совсем не терпел прикосновения чужой плоти, – я сегодня не по плану, просто посмотреть.

– Смотри, – еще раз улыбнулся торговец.

Никита Владимирович подошел к стеллажу легкой походкой, и замер, буквально прикипев взглядом к клинку, обычному ножу, который, на первый взгляд, никак не мог находиться на этом прилавке. Обычная финка с наборной ручкой, предположительно плексиглаассовой. Такие – знал Никита Владимирович – массово изготавливают на зонах. И цена им на базаре – максимум трешка. Даже с учетом того, что плексигласс был необычным. Пластины насыщенного ярко-алого и кроваво-красного цветов чередовались, образуя не совсем удобную на вид рукоять. Здесь же на ценнике красовались несусветные триста пятьдесят рублей.

– Он что, булатный? – хохотнул Чернов.

– Нет, конечно, – ответил подошедший тяжело и неторопливо Илья Соломонович, – но говорят, что за ним числится весьма непростая история. Длинная и кровавая. Как вот этот металл.

Его палец протянулся к более темной полоске на рукояти, но не достиг ее, ощутило задрожав.

– Так это металл?

Чернов, в отличие от торговца, взял клинок недрогнувшими ладонями. И буквально принюхался к нему; естественно, в первую очередь протянув к ножу невидимые нити чуйки. «Запах» был...

– Родной, что ли? – задал себе вопрос Чернов, – как будто я с ним с детства не расстаюсь. Да и рукоять ничего так, удобная.

Он сделал несколько махов рукой; перехватил рукоять обратным хватом, и еще раз заставил свистнуть теплый застоявшийся воздух лавки. И засмеялся негромко, отметив, как неожиданно шустро отпрыгнул подальше Илья Соломонович.

– Торговаться будем? – задал Никита вопрос, который из его уст в этом подвальчике раньше прозвучал ровно шесть раз.

Илья Соломонович подобрался, выпрямился, разом сбросив с плеч не меньше двадцати лет. В лице его, тем не менее, сохранилась скорбная мина, указывающая на его тяжелейшее, прямо ужасное материальное положение, и многочисленную иждивенческую семью, которую он, старый еврей, обязан кормить... хотя бы один раз в день.

– А я вот с вами, Илья Соломонович, точно сегодня останусь голодным, – проворчал полковник, выворачивая (в переносном смысле, конечно – он все и всегда делал очень аккуратно) карманы.

Денег вместе с мелочью набралось ровно триста двадцать восемь рублей, и ни одного из них Чернов не пожалел, когда тонкие, и весьма цепкие пальцы торговца пересчитывали их, и сгребали в кучку, а потом куда-то под столешницу стола, служившего ему прилавком. На горестный вздох Ильи Соломоновича полковник лишь улыбнулся, и поспешил наружу, к теплому сентябрьскому вечеру, который почему-то стал приятным и душевным. Так что Никита Владимирович, несмотря на легкое чувство голода, решил удлинить свой обычный вечерний маршрут, и пошел в сторону сквера, дорожки которого сейчас оккупировали многочисленные мамы с колясками.

Пришлось идти по самому краешку, едва не задев железный прилавок открытого до сих пор газетного киоска. Обычно он проходил мимо, не останавливаясь. Теперь же, ощутив ладонью внезапно нагретую рукоять приобретенного только что ножа, который он так и держал, спрятав в карман плаща, полковник остановился. И повернулся к открытому окошку, к пожилой продавщице с уставшим лицом. Лицо это несколько оживилось, когда он принялся неторопливо перебирать газеты, лежащие на прилавке. Газеты во всех диапазонах пахли... газетами. Кроме одной, которую ладонь невольно смяла. От этой, явно из «новых», постперестроечных, называвшейся «Из рук в руки», сквозь тяжелый смрад типографской краски вдруг отчетливо и вкусно запахло детством, ташкентским базаром, куда он иногда убегал вместе с мальчишками. Сейчас он, закрыв глаза, наслаждался этим ароматом – интенсивным, где невозможно было выделить отдельно дыню, или арбуз, или персик...

– Мужчина, – негромко, но очень требовательно вернула его в обыденность киоскерша, – мне закрываться пора. Будете что-нибудь брать?

– Буду! – выпалил Никита Владимирович, и тут же чуть не поперхнулся – вспомнил, что последнюю мелочь выгреб недавно в лавке.

Уже положив толстую газету обратно на прилавок, он машинально открыл ее на развороте, сразу отметив среди бесчисленных объявлений, заключенных в многоцветные прямоугольники, одно, обведенное фломастером красного цвета. Фотографическая память впечатала его в мозг целиком, а огромный опыт работы в серьезных структурах позволил не показать лишней заинтересованности; не вздрогнуть, когда именно такую заинтересованность проявил другой человек, сидевший на скамье метрах в пятнадцати от киоска, и якобы равнодушно взиравший на колясочный променад. На самом деле – был уверен Никита – это была наружка, и следили именно за ним.

– Немало, видно, за мою голову отвалили генералу, – недобро усмехнулся полковник, закрывая, и вновь открывая газету на той же странице.

И почему-то он совсем не удивился, когда увидел, что выделенного объявления там уже нет.

– Значит, – подсказала ему чуйка, – это было написано исключительно для тебя!

– Кем? – опять не удивился полковник.

– Кем-то, включившимся в твою ИГРУ, – ответил, по сути, сам себе Чернов, – или включившим тебя в собственную. Не все ли равно? Главное, что это не их ИГРА.

«Их», кстати, стало больше. К топтуну, отдохавшему на скамье, присоединились еще двое, очевидно вызванные первым. Никита Владимирович предполагал, что за «кино» развернется здесь после того, как он вместе с «первым» окажется за пределами прямой видимости. Продавщицу остановят, заставят вернуться в киоск, а потом буквально обнюхают каждый клочок из тех газет, что лежали на прилавке, и которых касались его руки. Потом, быть может (скорее – наверняка!), обследуют и всю остальную «начинку» несчастного киоска. Естественно, запугают пожилую женщину, заставят подписать кучу бумажек, и завтра допустят до места работы. Естественно, под неусыпным наблюдением.

Сам же полковник Чернов не собирался ни скрываться, ни совершать иных, столь же глупых поступков. Всю свою «диверсионную» деятельность он собирался проводить совершенно открыто. Ведь главное – содержание того самого объявления – было надежно скрыто в его голове.

Он «прочел» его в очередной раз на ночь, после скромного ужина в виде яичницы из трех яиц и пакета кефира с сушками. Объявление гласило: «Требуется Хранитель в горный заповедник. Работа на длительный срок по результатам проверки кандидата. Обращаться...». Короткий адрес в новом государстве под названием Таджикистан он повторять не стал; маршрут уже был вычерчен в мозгу, и, в общем-то, не требовал корректировки. Только материального обеспечения. Но с этим было не сложно. С утра полковник прождал полчаса в приемной генерала. Зашел к нему с заявлением на отпуск. Начальник лишь хмыкнул, и спросил, визируя заявление размашистой подписью:

– Где отдыхать собрался, полковник?

– В Таджикистан сметаюсь, товарищ генерал, – сообщил Никита сущую правду, – поохотиться хочу. На козлов. Винторогих.

– Там сейчас постреливают, – осторожно заметил Смирнов, – а давай я тебе попутчиков посоветую. У меня пара бойцов тоже в отпуск собралась. Не знают пока куда. Они, кстати, к твоей группе будут прикомандированы. До конца.

Никита Владимирович не стал уточнять, какого именно конца. Не выказал ни радости, не огорчения. Совершенно ровным голосом сообщил:

– Не возражаю, товарищ генерал. Я с ребятами договориться хочу, из двести первой дивизии. Чтобы подбросили попутным бортом. Они как раз там квартируют.

– Я помогу, – пообещал Смирнов.

Парни – два капитана – назвались Петром и Алексеем. Были они немногословными, и оставляли чувство надежности и силы.

– Как будто рядом с гранитными скалами стоишь, – почувствовал в первую их встречу полковник, – спрятаться можно, не сдвинешь.

Впрочем, они оказались вполне подвижными, тренированными. А еще – хорошо подготовленными на все случаи жизни. Без них бы Никита Владимирович, впервые попавший в горы, ощутил бы все «прелести» первобытной жизни. Они действительно охотились; Петр даже подстрелил из Калашникова какую-то горную козу. Смолотили в три приема за милую душу. И другие продукты, с которыми поделились вояки с российской базы, уже подходили к концу. Как и сам отпуск, кстати. Остаться голодным Никита не боялся. Предполагал, что

у парней есть достаточно мощные средства связи; да и чуйка подсказывала – защитников, а вернее, надзирателей с ним не двое, а гораздо больше. И то, что он ни одного из остальных не заметил, говорило лишь об их отличной подготовке. Вопросы – зачем генерал Смирнов вообще согласился на такую авантюру (где-то недалеко действительно постреливали, и очень серьезно) – полковник себе не задавал. Он двигался по определенному маршруту и, наконец, достиг первой точки – горной деревушки (кишлака!) Кзылсой. Из-под наслоений памяти вылез детский опыт общения с ташкентскими аборигенами. Отморозки были еще те – особенно по отношению к детдомовцам. Из тех далеких лет пришел примерный перевод.

– Красная речка, – сообщил он попутчикам, – я схожу туда. Ненадолго. А вы здесь меня подождите.

И Петя с Лешей, которые, по идее, не должны были отпускать его из поля зрения ни на мгновение, почему-то лишь кивнули головами.

– Мы тогда тут бивак разобьем, – сообщил Петр.

– И чего-нибудь горяченького сообразим, – добавил Алексей.

Теперь уже Никита Владимирович кивнул, и шагнул вперед, в направлении кибиток, сложенных, очевидно, из глины. Здесь, высоко в горах, было достаточно прохладно. Так что он передернул плечами, и заспешил, с каждым шагом чувствуя, что напряженные нити внимания, которые чуйка ощущала эти дни практически со всех сторон, начали таять. Они совсем истаяли, как только он перешагнул невидимую границу, которая проявилось теплом очагов селения. Он не удивился, и не остановился. Он теперь ничему не удивлялся.

Полковник шел по пыльной улице, хранившей тепло короткого осеннего дня, провожаемый взглядами немногих встреченных им аборигенов. На него смотрели не зло, и не добро. Скорее, равнодушно, с незначительной толикой любопытства. И никто не здоровался с ним, и не лез с естественным вопросом: «Какого, собственно, чужаку тут надо? Что он потерял в мире, где его никто не ждет?». Пришлось ему самому останавливаться перед парнем, разглядывающим что-то мимо него, и спросить; естественно, по-русски:

– Я ищу Мулло Закия. Есть тут такой?

Парень лет двадцати пяти явно учился еще в советской школе, и русский язык должен был знать. Да тут и знания такого не нужно было. Имя – или такой человек жил в кишлаке, или его не было. Оказалось, что жил. Парень даже поклонился чужаку, достаточно глубоко, и переспросил:

– Мулло Закия?! Мулло живет здесь. Пойдем, уважаемый, я провожу тебя.

И все это на довольно чистом русском языке. Впрочем, больше ни одного слова парень не произнес. Хотя поглядывал на ступавшего за ним полковника с изрядной долей любопытства. Может, он и сказал бы что-нибудь еще, вроде: «Вот, здесь живет тот самый Мулло Закия», – но не сложилось. Поскольку упомянутый Мулло уже ждал их у калитки, врезанной в высокий глинобитный забор. Он кивнул парню, отпуская, и молча указал гостю на уже открытую дверь. Никита Владимирович еще раз вспомнил детство, и, прежде чем войти, низко наклонив голову, в калитку, поприветствовал хозяина. Ну, и обозначил цель своего появления:

– Ассалому алейкум, уважаемый. Я по объявлению в газете. Меня зовут...

– Здесь так не здороваются, – буркнул хозяин, отчего-то недобро глянувший на полковника из под кустистых бровей, неожиданно черных при абсолютно седых волосах на голове и таких же бороде с усами, – и имя твоё мне не интересно. Отведу тебя куда надо, вот там и представишься.

Говорил он по-русски, не в пример парню, очень чисто. Пригласил в дом, в первую по ходу комнату. Предложил располагаться – прямо на глиняном полу, застланном тонкими атласными одеялами. Одеяльца были настелены в несколько слоев вокруг низенького столика, от которого ощутимо несло теплом. Чернов раньше слышал о таком – о скрытом очаге под столом, где было так удобно и приятно греть ноги, а вслед за ними и весь организм. В памяти даже



выплыло название – «санда» – означавшее то ли сам этот очаг, то ли породу деревьев, дровами которых этот очаг и нагревался. С некоторой опаской он опустил ноги по колени в прямом, и закрыл было в блаженстве глаза. Кто бы ему дал расслабиться?!

В комнату уже семенила мелкими шажками женщина, укутанная цветным платком с головой. Очевидно, что какие-то щелочки в одеянии, явно одетом в связи с появлением гостя, все же были. Потому что она, ни разу не споткнувшись, и не обращая никакого внимания на сидевшего за столиком мужчину – как будто его тут и не было – заставила всю невеликую столешницу яствами – лепешками стопой, блюдом с фруктами, пахнущими именно так, как в Москве, у газетного киоска. Потом, через пару минут, внесла полную касу с супом. Горячим, издающим умопомрачительные ароматы. Никита вспомнил и это название; естественно, узбекское – шурпа. Таджики могли называть его по своему; вспомнил, и одновременно удивился:

– Они что, ждали меня? Заранее шурпу готовить начали?

Потом была немаленьких размеров тарелка с пловом, который поздний гость, разомлевший от тепла и вкусного ужина, одолел с трудом. Но съел все, запив пиалой горячего зеленого чая. Подумал еще, что такой аппетит наверняка должен был порадовать хозяина. Увы – к этой поздней трапезе сам Мулло не вышел. Наверное, это что-то означало, и не совсем приятное для гостя. Но полковника немилосердно клонило в сон, мысли в голове ворочались лениво и тяжело, а чуйка, кажется, уже спала. Поэтому Никита Владимирович лишь кивнул, когда хозяин появился на несколько мгновений, и ровным голосом велел:

– Спи. Прямо здесь. Завтра рано выходим.

– Спокойной ночи, – успел буркнуть гость в спину застывшего на мгновение в дверном проеме Мулло Закия.

Затем он вытянул ноги из под столика, с которого шустрая хозяйка (или кем она там приходилась хозяину?) успела утащить пустую посуду вместе со скатертью (дастарханом!), и растянулся на одеялах прямо там, где сидел. Никита прислушался к организму – выйти по нужде пока не требовалось, поэтому он с великим удовольствием смежил веки, и растворился в здоровом сне. В первый раз с того самого дня в кабинете генерала, кстати.

Вставать пришлось действительно очень рано. Небо над горами еще было усыпано звездами, а восточная их часть даже не заалела. Вот теперь полковник зашустрил, почти побежал в выделенный таким же глиняным забором «уголок для раздумий».

– Позавтракаем в пути, – коротко бросил ему Мулло, взяв под узду первую из двух навьюченных объемистыми вьюками лошадей. Вторая была привязана к седлу первой длинной веревкой.

– Вообще-то я на лошадях не очень, – предупредил Мулло Закия Никита.

– Мы на них не поедem, – отрезал хозяин, – трое суток по горам ни один конь не выдержит – если будет еще человека везти. Они и так немало на себе несут.

– Ну и хорошо, – вслух обрадовался полковник.

Уже через пять минут, как только недлинная кавалькада миновала последний глинобитный дом, он показал на яркий огонек костра, оставшийся за противоположной околицей кишлака:

– Там меня люди ждут. И не только они. Искать будут.

– Пусть ищут, – пожал плечами Мулло...

Эти трое суток запомнились бесконечными спусками и подъемами на склоны гор; отвесными стенами ущелий и ледяными даже на взгляд потоками неглубоких, но стремительных горных речек, которые приходилось форсировать, все же вскарабкавшись на лошадь. Дело, в общем-то, оказалось нехитрым, но полковник резонно предположил, что протрясись он в седле, которыми были «оборудованы» лошади, хотя бы полдня... Так же он с немалым удивлением понял, что прошел эти дни по совсем нелегким тропам на удивление успешно. И даже ноги, чуть гудевшие к исходу первого дня путешествия, к его окончанию, кажется, даже тре-

бовали продолжения пути. Но Мулло, чья спина маячила перед глазами все эти дни, вдруг остановился, и сказал:

– Все! Пришли.

Уже вечерело, и Никита Владимирович шагнул вперед, остановившись рядом с проводником, который застыл – словно наткнувшись на непроходимую прозрачную стену.

– А ведь действительно, стена, – протянул негромко Черных, проведя перед собой рукой.

В ладони как-то сам собой оказался ножик, купленный за триста двадцать восемь рублей. Лезвие словно прорезало эту стену, подобную пузырю, а сквозь пальцы, сомкнутые на рукояти, было видно, как налились внутренним интенсивным светом ярко-алые и темно-вишневые сейчас, в вечерней полутьме, полосы.

Позади негромко охнул Мулло. Ножика, который полковник держал перед собой, он видеть не мог.

– Значит, – решил Никита, – так он отреагировал на новое действующее лицо этой вечерней пьесы.

Из тьмы узкого ущелья, от каменной отвесной стены отделилась темная тень, которая с каждым шагом принимала обличье обычного человека.

– Нет, не совсем обычного, – констатировал полковник, когда хозяин здешних мест остановился напротив, в двух шагах.

Чернов поклонился – не низко, но достаточно уважительно.

– Добрый вечер, – приветствовал он хозяина, – я по объявлению. Меня зовут.

– Я знаю, – изобразил ответный поклон незнакомец, отвечая на чистом русском языке, – полковник Чернов Никита Владимирович, человек, который потерял свое место в мире.

– Можно подумать, что я его здесь найду, – буркнул Никита; естественно про себя, чтобы не обижать хозяина.

– Найдешь, – кивнул тот, отчего его темная борода потекла вниз волнами.

Роскошная была борода – один в один как у ассирийских владык из учебника по истории за седьмой класс. Но это обстоятельство лишь мелькнуло краешком по сознанию Никиты, гораздо интересней и необычней было...

– Нет, – рассмеялся негромко безымянный пока хозяин, – я не умею читать мысли. Просто все это написано на твоём лице. А это я читать умею. И предполагать тоже. Да и ты умеешь. Или научишься. Да, да – здесь. Ведь ты останешься.

Это не было вопросом; констатацией факта, в котором Никита Владимирович теперь тоже не сомневался.

– Меня зовут Закария, – наконец представился хозяин гор, – пойдем со мной.

Мулло за спиной еще раз икнул; видимо, перед ним хозяин прежде не представлялся. А полковник поднял ногу, и... тут же опустил ее обратно, услышав строгое:

– Куда?! А выюки кто будет носить. Для тебя ведь привезли.

Мулло позади теперь охнул. Но Никите до его терзаний было... в общем, как до одного известного места. Он вернулся назад, кивнул проводнику: «Помогай!», – и взвалил на плечо первый двойной выюк. Прежде всю работу с конями и выюками выполнял сам Мулло. Сейчас полковник немало подивился силе, как оказалось, скрытой в его некрупном теле. Этот двойной выюк весил никак не меньше самого Никиты, а в нем было уже далеко за семьдесят кило. Мулло же вскидывал их, а потом опускал на землю так, словно они были набиты ватой.

И вновь организм не подвел. Сила, не сказать, чтобы распирала сейчас тело, но была вполне адекватной взятому весу. Никита даже прибавил шагу, догоняя Закарию. Сгрузив выюки перед дверью небольшого, но ладного на внешний вид домика, скрытого меж двумя скалами, нависшими над ним подобно шалашу, он вернулся к границе, обозначенной каким-то неведомым пока для него чувством, и обнаружил там лишь вторую пару выюков. Мулло Закия не было.

– Ушел, и даже не попрощался, – констатировал Никита, – и почему я не обиделся?.. Домик оказался...

– Ничего так, – обвел глазами полковник прихожую, или залу – квадратную, метров семнадцати-восемнадцати, – уютненько. Намного уютней, чем в моей московской квартире.

В груди что-то защемило. Полковник только теперь окончательно понял, что с прошлой жизнью покончено навсегда. И бесповоротно. Тут что-то негромко затарахтело, и тьму комнаты вытолкнул наружу, в окно, яркий свет из обычной люстры, подвешенной к высокому потолку.

– Домик для одного, – сообщил Закария, неслышно появившийся за спиной полковника, – ну, ничего – потеснимся. Сегодня переночуешь здесь, на диване, а завтра... посмотрим. Пойдем, устроим тебе экскурсию.

Внутри домик оказался весьма благоустроенной трехкомнатной квартирой. Очень благоустроенной – с кухней, уютной спальней, уже обследованной залой, и последней комнатой, которую Никита поначалу затруднился назвать – мастерская, оружейная, или... место для релаксации. Последнее он предположил, увидев, как хозяин двинулся вдоль недлинных верстаков, и навесных шкафов, сейчас открытых. Такого богатства тщательно подобранного стрелкового и холодного оружия, собранного в помещении размерами разве что чуть больше залы, полковник еще не видел. Хозяин останавливался, сделав очередные полшага, и гладил поочередно винтовки, сабли, какие-то станочки, и приспособления.

– Словно прощается, – решил Никита.

И устыдился, словно увидел очень интимную сцену.

Он поспешил выйти. Прошел в кухню, к полуразобранному выюкам, в которых оказалась провизия; в основном длительного хранения. В углу стоял холодильник, но скорая ревизия агрегата показала, что он отключен, и, судя по всему, очень давно не эксплуатируется. Тогда свертки, банки и мешочки стали занимать места в шкафчиках кухонного гарнитура. Полковник при этом не стеснялся.

– А что, – сообщил он себе, будто в оправдание, – сказано ведь, что всю эту тяжесть для себя принес. Только у самого хозяина запасов-то... почти и не осталось.

Закария появился через час, когда за окном окончательно сгустилась тьма, а Никита вполне успешно освоил должность оператора радиоприемника. Последний был большим, импортным, и вполне уверенно ловил и все местные столицы новых государств, и даже Москву.

– Интересно, – проговорил он негромко, остановившись, наконец, на ташкентских новостях, – где мы сейчас находимся? За трое суток можно было уйти в любую из них. Даже в Афганистан.

– Нигде, – голос вошедшего опять бесшумно Закарии заставил задумавшегося Чернова вздрогнуть, – это место, эта долина, не указана ни на одной из карт. Естественно, оно не входит ни в одно из тех государств, которые образовались тут недавно. Больше того – оно не входило ни в какие государства никогда. И никто – даже Великий Искендер Двурогий, завоевавший когда-то все вокруг, не мог ступить в эту долину.

– Кроме нас?

– Да, кроме нас, – кивнул Закария.

– И кто же, или что, создало это замечательное место? И кто, или что дало нам допуск сюда. И главное – зачем?

– «Кто», или «Что» – я не знаю, – честно признался бородач; при ярком свете его борода оказалась иссиня черной, – а вот зачем... Пожалуй, я расскажу тебе об этом завтра. Ну, и покажу.

Черных после ужина на скорую руку на удивление быстро и крепко заснул на диване. Заснул с какой-то детской радостью, какой не испытывал уже очень давно. А все потому, что, проваливаясь в глубокий сон, он представил себе лицо генерала Смирнова, брызжущего в яро-

сти слюной, и бессильно топающего сапогами по паркету собственного кабинета. Мелькнула даже мысль, что события последних дней заставят какие-то силы поменять хозяина в этом кабинете...

Настроение утром было замечательным. Встали разве чуть позже, чем в кишлаке, с Мулло Закия. Утренние процедуры (Никита в ванной комнате с содроганием вспомнил кишлачный туалет), достаточно плотный завтрак – для Чернова; Закария позавтракал весьма скромно. И вот они уже на тропе, разрезают своими телами прохладный и густой, напоенный ароматами трав горный воздух. Вдруг запела ранняя пташка; ей вторила другая, громче. Никита шел, инстинктивно ставя ноги в нужные места на едва заметной среди камней и трав тропе, и улыбался – достаточно глупо, на собственный взгляд. И не собирался стогнать с лица эту счастливую улыбку. Закария, неторопливо шагавший впереди, молчал, не мешал Никите заполняться первыми, самыми верными впечатлениями.

– А ведь он сейчас вспоминает свой первый день здесь, – внезапно понял полковник, – и это действительно нетрудно – читать другого человека; особенно, когда тот позволяет это.

Закария на этот раз не отреагировал. Наконец, ближе к обеду, они дошли до вершины утеса, вокруг которого серпантинном вилась труднопроходимая тропа. Эта вершина представляла собой плоскую площадку идеально отполированного камня размерами не больше залы в его новом доме.

– Камешек-то отполирован ветрами, дождями, и еще – самой мягкой частью человеческого тела, – с доброй улыбкой сыронизировал Никита Владимирович, бесстрашно обходя площадку по самому краю – в то время, как хозяин горной долины усаживался посреди нее прямо на камень.

Чернов невольно отшатнулся от дальнего, северного конца площадки. Там, глубоко внизу ревел поток, разбивающийся о скалы. Упади туда человек – жизни в нем осталось бы не больше, чем несколько мгновений.

– Это уже за пределами долины, – сообщил Закария, наконец-то застывший на своем жестком ложе, – а теперь слушай, и запоминай. Повторить будет некому. Я – Хранитель. Храню мир и спокойствие на Земле. Предполагаю, что я не один такой, как и подобных мест на нашей планете.

– От кого?! От кого ты хранишь все это? – невольно вырвалось из груди полковника, взмахнувшего руками так, словно он хотел заключить в объятия целый мир.

– Не знаю, – признался Хранитель, – не знаю, откуда придет враг... если вообще придет. Не знаю также, что именно предстоит сделать мне, если он, или они все же появятся.

– Значит, – сделал вывод полковник, – враг, как ты его называешь, здесь еще не появлялся.

– На моей памяти нет, – покачал головой Закария, – хотя я тут не очень и долго. Помню деда Мулло Закия. Он так же, как и его сын, а теперь внук, носил сюда все, необходимое для жизни. Ну, еще и то, что я заказывал. Мне, кстати, не так много и нужно было.

Никита улыбнулся, вспомнив оружейку в доме, но промолчал. Впрочем, улыбка тут же сползла с лица; он вдруг понял, что вполне здоровому, полному сил мужчине с внешностью древних ассирийцев много больше ста лет – если верить его словам.

– Можешь не верить, – чуть пожал плечами Закария, – потом убедишься. А лет мне – почти двести. И я устал. Устал каждый день ждать, когда наступит миг моей битвы. Как видишь, такой не настал. Если веришь в богов, Никита, молись, чтобы и тебя не застал такой час. А так – живи; обживай теперь уже свой дом и долину. Раз в месяц будет приходить Закия, а потом его сын, и внук. Ты почувствуешь, когда он будет подходить. Лучше не показываться ему на глаза. Впрочем... в любой момент можно уйти отсюда. И потом, наверное, всю оставшуюся жизнь жалеть об этом. Не знаю... я сотни раз подходил к границе, и столько же раз возвращался сюда. Все рассказать не в силах. Наверное, для каждого Хранителя служение про-

ходит по своему. Свое ты определишь и поймешь сам. Со временем. А пока... иди домой. Сегодня меня не жди.

Чернов двинулся к едва заметной тропинке, и тут же замер, подчиняясь новой команде Закария:

– Стой! – пауза длилась, и длилась; наконец, Хранитель промолвил – совсем не то, что хотел поначалу сказать (так понял Никита), – нож у тебя... особенный. Храни его. Предчувствую, что он тебя выручит.

Полковник кивнул. Обернулся на пару секунд, и пошел вниз, мотая головой, словно конь, отгонявший слепней. Так Никита Владимирович выгонял из головы картинку, запечатлевшую фигуру Хранителя на фоне кроваво-красных лучей заходившего солнца. Картинка была та еще. Закария висел в воздухе, скрестив ноги, и между ним и каменной площадкой солнечные лучи свободно проходили, освещая пространство не меньше двадцати сантиметров в высоту. Полы халата, который своим видом тоже напоминал о давно минувших веках, были заткнуты за пояс, и совершенно не мешали разглядывать в этот проем далекие снежные пики одной из среднеазиатских республик. Какой именно – полковника это уже не интересовало.

В дом он вернулся уже глубокой ночью, ни разу не заплутав на практически незнакомой местности, и не подвернув ноги на тропе, где камней и камушков было великое множество. Привычно, словно в сотый, или тысячный раз, он ткнул в кнопку пуска четырехтактного японского дизелька, подававшего энергию; приготовил немудреный ужин, с аппетитом поел, и вышел на пару минут из дома. Чтобы отключить до утра дизель.

– Надо бы в дом вывести кнопку, – пробормотал он, привыкая к роли хозяина, и Хранителя.

Свежий горный воздух, и прогулка, растянувшаяся на целый день, действовали не хуже снотворного. Он проспал крепко, без сновидений, не меньше восьми часов. А потом уже привычно, по распорядку, начал свой первый день на новом рабочем месте.

– На полном гособеспечении, – ухмыльнулся он, – хотя и без денежного содержания. Которое тут и не нужно. Магазинов все равно нет. Но раз служба – значит, будем соответствовать. В том числе и внешним видом. Поэтому напишем, чтобы не забыть, записку Мулле Закия. Чтобы, значит, обеспечивал бритвенными станками, ну и другими мыльно-рыльными принадлежностями. Все равно такая борода, как у Закарии не вырастет.

На каменную площадку он забрался к полудню. Бывшего Хранителя ни там, ни по дороге он не обнаружил. С опаской заглянув вниз, в ревущий, подобно дикому зверю, поток, он с трудом разглядел в вихре брызг и белоснежной пены что-то зеленое. Именно такого цвета был халат старца Закарии, выглядевшего в свои двести максимум на сорок. Почему-то Никита поверил каждому его слову. Поверил, и... не забыл, нет. Память не позволила. Но вот загнать ее в самый дальний уголок, и никогда не доставать наружу – это он себе пообещал. Пообещав прихваченной с собой снедью, он занял место посреди площадки, и, подобно прежнему Хранителю, занял «рабочее место». Сел, скрестив ноги не так, как это делают йоги, с вывертом коленных и бедренных суставов. Сел вполне комфортно; даже камень показался не таким жестким.

– Скоро тоже начну левитировать, – заявил он в полный голос; давать обет молчания, хотя бы в разговорах с самим собой, он не собирался.

Так потекли дни; один за другим. Он обошел всю долину; «познакомился» с каждым деревцем и кустом, каждым гнездовьем птиц, и даже с семьей снежных барсов, которые облюбовали себе под логово пещеру в противоположном от утеса конце долины. Здесь не было привычной всем смены времен года. Было вечное начало осени, с недолгими теплыми дождями и прохладными ночами. Вполне комфортно он чувствовал себя в доме, не отрезая себя от внешней жизни посредством радиоприемника. Спокойно воспринял весть о смене власти в России; о коронации – как говорили в соседних республиках – нового русского царя.

Но его действия, как и всех других двухсот с лишним официальных правителей планеты, никак не комментировал. Находил темы для бесед с собой гораздо интересней и злободневней.

В своих медитациях на вершине утеса он словно растекался сознанием по долине, одновременно не отпуская пристального внимания от того сектора пространства, что могло нести угрозу извне. Оно, это пространство, было громадным, просто несравнимым по размерам с такой маленькой и беззащитной Землей. Не говоря уже о крошечной долине, затерявшейся в пространстве и времени, но все равно принадлежавшей планете. И называлось это пространство Космосом.

Чтобы не потеряться в этом самом пространстве и времени, Никита каждый день, рано утром, выходя из дома на очередное дежурство, громко провозглашал с крыльца дату. И каждый день с удовлетворением отмечал, что предыдущий не загрузил плечи тяжестью прожитого времени; что он не стал физически старше, что в свои... семьдесят – с чем там? – лет он чувствует себя даже лучше, чем в далеком уже сентябре одна тысяча девятьсот девяносто третьем году...

– Первое июля две тысячи девятнадцатого года, – привычно громко сообщил он окружающему миру, и двинулся вперед по любимому, одному из шести маршрутов, которые он сам проложил к подножию утеса.

На ходу проверил – не забыл ли что, громко комментирую проверку:

– Так, – начал с улыбкой, – обут и одет, не забыл. Офицерский камуфляж старого образца. Крепкий еще, но нужно заказать новый – сыну Мулло Закия. Малый тактический рюкзак с обедом и НЗ – на всякий случай. И – главное – нож.

Рука сама огладила рукоять ножа, чье лезвие утопало в ножнах на поясном ремне. Через два часа неспешной ходьбы он был у подножия горы. Еще через полчаса – на ее вершине. Там легкий перекус, и привычная медитация. Только сегодня почему-то сознание никак не желало распознаться по долине, в пределах практически правильной окружности диаметром в пять километров, отчерченной неведомо кем и когда. Все внимание сегодня устремлялось вверх, к тому самому Космосу, который его манил и пугал. И он – Космос – пришел к нему сам. Поначалу в виде невероятной силы удара, который Хранитель не увидел, но почувствовал всем своим существом, включая физическое. Этот удар потащил бывшего полковника российского Генерального штаба к краю площадки – туда, где ушел в свой последний путь предыдущий Хранитель, а может, и кто еще до него. До гибельного краешка осталось не больше десятка сантиметров, когда рука – уже не в первый раз в жизни – схватилась, как за последний шанс, за рукоять ножа. Никита махнул над собой клинком, отмечая, как налились силой и цветом слои неведомого металла на рукояти. И как что-то перестало давить на него; но легче от этого не стало. Теперь, наоборот, неведомое «нечто» принялось тащить Чернова вверх, к необозримым просторам Космоса. Только теперь уже не физическое тело, а внутреннее его составляющее.

– Вот это, наверное, и называется душой, – успел подумать Никита, – и вот так ее выворачивают наизнанку.

И опять он, как утопающий за соломинку, ухватился покрепче за рукоять ножа, который – показалось ему – заметно полегчал. Теперь волшебный металл служил якорем, помалу поддающимся пришедшей издалека силе. Он почти физически, своими человеческими ушами, слышал, как с треском и хрипом вырывается из плоти то, что составляло саму суть Никиты Владимировича Чернова. И пришла мысль – простая и естественная, как сама жизнь:

– А почему, собственно, я держусь всеми силами за эту скалу? Чтобы сдохнуть здесь? Враг вон он, наверху. Так пойду, и посмотрю, кто это там грозит мне, а заодно и самой жизни на планете.

Он прекратил сопротивляться, и его потащило вверх стремительно и необратимо. Словно кто-то тянул его невидимое тело за уши – так, что они вытягивались, подобно рысьим.

И перед глазами, за миг до того, как провалиться в черное ничто, проявилось божественно прекрасное, и очень надменное лицо, главным «украшением» которого были те самые вытянутые остроконечные уши.

– Вот он, исконный враг, – констатировал Никита, проваливаясь в забытие.

Но даже так, без сознания и тела, он продолжал влиять на окружающий мир. Чудовищная энергия, с которой он с помощью ножа сопротивлялся влиянию извне, не могла деться в никуда. Следом за лучом, что нес человеческую душу в далекий Космос, проявлялся след торможения.

Тысячи ученых, занимавшиеся проблемой этого, или подобного явления в космических мирах, продали бы, не сомневаясь, собственную душу... да кому угодно – лишь бы присутствовать при зарождении одного из самых удивительных и загадочных явлений. Впрочем, эти самые ученые дали ему весьма непрезентабельное название – червоточина.

## 5. Средний крейсер «Крофт». Сонг Дирн, капитан пиратского космического корабля

Был ли Сонг Дирн, капитан крейсера «Крофт», счастлив? Да – в те недолгие часы, когда оставался один в рубке своего корабля, или в каюте, в компании очередной рабыни. Впрочем, тут он тоже был один – не считать же за человека «мясо», изловленное на дикой планете, и способное предстать разве что товаром на очередном невольничьем аукционе. Сонг отвалился от чуть слышно поскуливавшей рабыни, и поморщился, мазнув взглядом по ее зареванному лицу. Физиономия эта – миловидная, оливкового цвета – удивительно напоминала его собственную; словно он развлекался сейчас с близкой родственницей.

А между тем Сонг был чистокровным аварцем; более того, он принадлежал к верхушке уважаемого клана Дирн. Был сыном, и братом Глав этого клана. Поочередно, конечно. Отец, кстати, наверное, и помер раньше времени, потому что не мог без содрогания смотреть на лицо и фигуру своего младшенького. Сам бывший Глава был высоким, статным, и еще крепким стариком, незадолго до безвременной кончины прошедший лишь первую процедуру омоложения. Так что теперь Главой был старший брат Сонга, Грот Дирн. Этот вообще был эталоном настоящего аварца – высоким, мощным, крепкоплечим. А лицо – мечта любой аварки! Черное, лоснящееся, с белками яростно горящих глаз, широким и приплюснутым на полфизиономии носом и толстенными губами, скрывающими крупные зубы, готовые рвать все и вся в любое мгновение.

Кто из предков Сонга провинился, наградив его неказистой фигурой, совсем нетипичными, мелкими чертами лица, и совершенно безобразной кожей? Этот грех самому капитану пришлось нести с самого детства. Конечно, прямо вот так в глаза сыну Главы клана никто не смеялся; обзывать и дразнить не смели, но хватало и презрительных взглядов, и смешков за спиной.

– С другой стороны, – рассуждал капитан, – скорее всего, этот же предок наградил и другим, гораздо более приятным геном. И тут Грот, и сынишка его, Галгот, могут молчать в тряпочку. Потому что яркая внешность и свирепый вид это еще не все. Надо еще и ум иметь, индекс интеллекта достаточно высокий. А без него ведь не только поста Главы лишиться можно, но и весь клан профукать. Интересно, сколько все таки вседержец отвалил племяшу, Галготу единиц интеллекта. Готов поспорить, что немногим больше восьмидесяти.

Сам Сонг обладал выдающимися для клана способностями – индексом интеллекта в сто пятьдесят единиц, и достаточно высокой степенью усвоения знаний. И до сих пор благодарил вседержца и собственного отца, что последний успел поставить ему достаточно мощную нейросеть, и купил полный комплект баз знаний под нее. Сеть марки «Пилот – 5УМ» на тот момент была самой лучшей и дорогой, из тех, что можно было достать в империи Авар. Конечно, в королевстве Галанте, которое и занималась разработкой новых поколений нейросетей, были сети и поинтересней, помощнее; но цена на последние сорок лет назад, когда Сонгу поставили первую, и единственную сеть, была совсем уже запредельной. Столько, наверное, не стоил весь клан Дирнов.

Цифра «5» в маркировке означала, кроме прочего, еще и возможность поставить дополнительно пять имплантов. Сонг Дирн, не жалея денег отца, и не советуясь с ним, сразу же, как появилась возможность, поставил себе все пять. Как чувствовал, что отца скоро не станет, и что от старшего брата он сможет получить разве что хороший подсрачник. Так что он, не сомневаясь, и слегка опасаясь гнева отца, поставил себе имплант на интеллект «50», и память – тоже пятидесятку. Потом, вместо дополнительной мускульной силы, что советовал ему папаша, добавил себе скорости восприятия, защиту от ментального воздействия, и, напоследок, одарил



собственный организм новинкой – имплантом, запускающим при необходимости заживления мелких и средних ран наниты. Этим, как резонно объяснил он отцу, юный пилот наиболее полно обеспечил собственную безопасность.

– Самое то для космоса, – пояснил он, дерзко глядя снизу вверх в глаза отцу, сжимавшему в ярости громадные черные кулаки.

– А вот от этого ты чем будешь отбиваться? – родитель тут же сунул ему под нос правый кулак.

К тому времени Сонг успел выучить под медицинским разгоном базы *«Пилот малых кораблей»*, *«Пилот средних кораблей»*, *«Энергетические системы малых кораблей»*, и *«Энергетические системы средних кораблей»* – все в третьем ранге. И еще второранговые *«Вооружение малых кораблей»*, *«Энергетические системы малых кораблей»*, *«Стрелковое оружие»*, *«Абордажник»* и *«Боевые дроиды»*. Поэтому он достаточно ловко увернулся от второй отцовской ладони, готовой ухватить его за шкуру, и отскочил к двери; уже с направленным в сторону Главы игольником.

– Вот этим! – торжествующе заявил юноша отцу, застывшим с поднятыми руками, и отвисшим в удивлении подбородком, – а если не хватит, то и этим.

Сонг на пару мгновений завис, подавая команду через нейросеть, и в дверь юркнули, цокая железными копытцами по каменному полу, два дроида марки *«СКД-24»*. Приземистые, восьмипалые, они застыли по обе стороны хозяина подобно двум боевым псам. Но, в отличие от самых свирепых собак, они были вооружены не костяными зубами, а малыми плазменными пушками, которые сейчас грозно нацелились на хозяина дома и клана. Еще в запасе у них было по два игольных автомата крупного калибра; запас игл занимал половину туловища дроида. Вторую половину делили автономный реактор и искин второго уровня, что для такого механизма было очень даже прилично. Настолько прилично, что отдай сейчас Сонг команду уничтожить кого-нибудь, и дроиды не остановились бы, пока не закончилось бы топливо в реакторе, или сами механизмы не были уничтожены до состояния металлолома.

Отец, кстати, не испугался. Обладал, очевидно, защитой, которую внешне было не разглядеть, но которая вполне могла противостоять и более грозным противника. Он внезапно гулко расхохотался, подняв голову к потолку, и где-то через пару минут, истратив силу и энергию в этих громовых раскатах, похлопал сына по плечу, оказавшись к абордажнику второго ранга так незаметно, что тот только покачал головой, восхитившись, и заполнившись вполне понятным чувством зависти.

– Так и продолжай сынок, не жалея ни времени, ни денег. Они к тебе потом вернутся, стократно.

Потом он, конечно, поорал, и потопал ногами – когда узнал, что сынок на всю эту красоту потратил уже больше полутора миллионов кредитов. Но денег дополнительно дал. И еще успел посадить младшего сына капитаном самого боевого в клане корабля – среднего крейсера *«Крофт»*. Вот на нем и оттачивал свое мастерство Сонг Дирн уже больше двадцати лет. Боевых операций было немного; их можно было пересчитать по пальцам рук. Пара очень выгодных. Но даже они, исчисляемые миллионами кредитов, не шли ни в какое сравнение с той прибылью, которую приносил в клан экипаж *«Крофта»*. Впрочем, Сонг такую фразу произносил патетически, и вместо слова *«Экипаж»* предпочитал говорить *«капитан»*.

Он, один из трех, а после смерти отца, уже из двух, владел главной тайной клана – координатами дикого мира, откуда *«Крофт»* рейс за рейсом вывозил сотни единиц *«мяса»*. Мир был действительно диким. Воевали там пока еще железными мечами да копьями. До энергии пара, электричества, а тем более ядра или антиматерии им было... В общем, никак им это не было, пока планетой по факту владел клан Дирнов. Поэтому и производилась вывозка *«мяса» «Крофтом»* – достаточно хорошо вооруженным, и очень скоростным кораблем, совсем немного не дотягивающим размерами до тяжелого крейсера. Конечно, у клана были и другие

корабли, с гораздо более объемными трюмами, куда будущих рабов можно было грузить тысячами, если не десятками тысяч. Но соблюсти необходимую секретность они никак не могли.

– Да и капитаны на них, – капитан, отдышавшись, гордо выпятил не очень внушительную грудь, – дерьмо, а не капитаны. Только и умеют, что подтверждать решения искинов. Даром, что внешне все...

Еще одним фактором, сдерживающим «прирост производства», была вероятность «перепроизводства» товара. Шестьсот-семьсот рабов в месяц от клана в месяц это еще куда ни шло. Но если на рынок выплеснется предложение с тысячами единиц товара... Тут же найдутся желающие подсмотреть, каким таким образом клан Дирнов стал таким удачливым. Ведь основной версией для всех окружающих была невероятная удачливость «Крофта», бравшего корабли, а значит, и пленников, на abordаж не меньше пары раз в месяц. Так что за свое обозримое будущее капитан Дирн не волновался. Старший брат не сможет заменить его на капитанском мостике вообще никогда, чисто физически – просто не успеет уже до конца жизни выучить необходимые базы. Даже под разгоном. Даже с учетом того, что только собирался провести первую операцию омоложения. Да и сынок его, Галгот...

Вспомнив про племянника, капитан скорчил совсем уже свирепую физиономию. В ней причудливо слились и презрительность, и толика страха, и чувство предстоящего великого облегчения – когда, наконец, «Крофт» пристыкуется к станции клана, и новоявленного космолетчика отправят домой, под папашкино крыло. Молодой аварец, в перспективе Глава клана, был абсолютно ни к чему не пригоден. Ни к чему путному, естественно. Беспутного он творил много, и практически всегда. В этот рейс его отправил Глава в приказном порядке.

– Пусть поучится, – напутствовал он сразу двоих родственников – брата и сына, стоявших перед ним.

Старший – низкорослый и худощавый Сонг – едва заметно морщился. Младший же, громадный, явно перекачанный неестественным путем Галгот довольно щерился. Он, очевидно, предполагал, что ему на корабле будет такая же развлекуха, как дома.

– Щаззз, – усмехнулся тогда капитан, – на крейсере не действуют законы клана. Вернее, действуют, но только в той редакции, которая не противоречит уставу корабля. А первая, и самая главная статья этого устава гласит: «Все законы на корабле устанавливает капитан. Любой, не выполнивший приказ капитана, полегит наказанию; опять таки на усмотрение капитана. Вплоть до смерти».

Конечно, ни на бумаге, ни в архиве главного корабельного искина такие слова прописаны не были. Но они неукоснительно выполнялись, о чем племянник узнал в первые же сутки корабельного времени. Но прежде Галгот, которому шел двадцать второй год, выбирал себе судовую должность. Таких для «юного дарования» было немного. Всего две. Простым abordажником, читай тюремщиком для «мяса», или начальником медицинской части. Галгот тогда, поначалу облизнувшийся на тюремщика, основательно обалдел:

– Начальником?! Медицинской части?! Меня?!!!

– Почему нет? – пожал плечами капитан, – надо же тебе приучаться командовать. Да там и подчиненных-то всего один. Для начала сойдет.

Галгот согласился. Сонг впоследствии очень сильно об этом жалел. Впрочем, он пожалел бы в любом случае; настолько тупым, твердолобым и заносчивым был племянничек. Еще и бешеный нрав деда унаследовал.

Единственным подчиненным Галгота Дирна был раб, существо, которое капитан по уму и способностям признавал равным себе, а в конкретной узкоспециализированной направленности даже превосходящим его, Сонга. Никому, конечно, об этом не говорил, но признавал. Юрлан – так звали раба – достался ему в одной из тех самых супервыгодных пиратских налетов. Тогда силами трех кланов был взят на abordаж круизный суперлайнер для элит. Позабылись с аристократками знатно, и кредитов огребли не хило. А довеском к добыче капитану

«Крофта» досталась часть суперсовременной на тот момент медицинской части, и в придачу к ней вот этот раб, Юрлан. Справедливости ради надо сказать, что Зонг при этом немного скрытничал – указал его, как медика пятого, очень высокого ранга. На самом деле этот разумный (или совсем неразумный) ухитрился раздобыть где-то нейросеть аж седьмого поколения. Ну, и базы поднял соответствующие. Хотя, конечно, три диагностические, и по одной лечебной и хирургической капсулы мог вполне обслуживать медтехник четвертого, и даже третьего ранга. По сути, эти аппараты выполняли все сами. Даже рекомендации по заполнению медкартриджей предоставляли, после обследования пациентов. Но капитан, хорошо помнивший врезавшуюся в память тираду о безопасности, оставил себе Юрлана. Предполагал, наверное, что настанет такой момент, когда даже навороченная капсула окажется бессильной, и тогда на помощь ему, Сонгу Дирну, придет талант медика Юрлана. Скорее всего, имя у раба было длиннее, в два, или в несколько раз, но ни сам капитан, и никто другой на корабле не заморачивался такой мелочью.

Он лично проводил племянника на место работы; представил ему подчиненного, и сказал, впервые на памяти юнца заявив жестко и непререкаемо:

– — Это Юрлан, медик. Он, конечно, раб, но стоит... больше, чем сто таких, как ты.

– Чего?! – взревел парень так, что в закрытом шкафу что-то упало и разбилось.

– Папе будешь жаловаться потом, после рейса, – еще более жестко заявил капитан, – а сейчас я тебе обещаю – если с этим рабом что-то случится, я своими руками отрежу твою голову. И отнесу ее отцу. Как думаешь, будет он доволен тобой?

По бокам любящего дядюшки привычно стояли дроиды; не те примитивные бойцы второго поколения. «МРАТ-136» были, как и нейросеть их хозяина, пятого поколения, и противостоять им на корабле не мог никто. Включая всю абордажную команду в скафах третьего поколения.

Физиономию двадцатидвухлетнего громилы исказила попытка подумать; он явно не понимал, что дядин вопрос состоял больше из издевки, чем из реального обещания. Но, как понял Сонг, все же проникся. Не поумнел, конечно; ввязывался в потасовки, часто беспричинно, но подчиненного не трогал. По крайней мере, на глазах капитана. Вот в глаза рабу последний не заглядывал, иначе разглядел бы, что взгляд того потух окончательно. И причиной тому, скорее всего, был уже не рабский ошейник на шее.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.